

"Тайные желания"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Тия Дивайн

Тайные желания

Глава 1

— Если меня вынудят выйти за этого человека, я никогда, ни за что не позволю ему прикоснуться ко мне...

Ну вот, она все сказала. И любой ценой настоит на своем. И теперь она стояла перед Кортлендом Саммервиллом, хрупкая, неподвижная, словно скала, окутанная вуалью, собственной гордостью и стальной решимостью не поддаваться чужой силе.

Он не тот, чьей женой она должна стать. Настоящее чудовище... и ее отец принес дочь в жертву, хотя она не могла видеть так называемого жениха и не желала обращать внимания ни на забитую людьми церковь, ни на терпеливо ожидавшего священника. Ее не оставляло странное ощущение, что она никак не может очнуться от дурного сна.

Она ненавидела его. И ненавидела Жерара Ленуа, человека, которого любила. Того, кто спокойно стоял рядом и не препятствовал отцу отдать ее Карту. Невероятная, непростительная подлость. Он даже не пытался бороться за нее, и она никак не могла понять почему.

И чувствовала себя так, словно находится одна в этой церкви и рядом нет никого, а человек, который шел вместе с ней по проходу и вручал жениху, — всего лишь посторонний. Незнакомец.

Она слышала слова службы, слышала сильный жесткий голос Корта, повторявшего обеты любить, почитать и заботиться, и сердце ее болезненно забилося.

Неужели она действительно надеялась, что он откажется? Откажется взять ее.

О Господи, заведи меня к себе...

Или что Жерар в последнюю минуту придет на помощь и спасет ее?

Жерар... не кто иной, как жалкий трус, готовый пресмыкаться перед богатством и влиянием семьи Корта и волей ее отца, так страстно желавшего этого брака, готового ради этого идти по трупам.

— Дрю Каледон, берешь ли ты Кортленда Саммервила... Она слегка покачнулася. Все так нереально... будто она смотрит пьесу... со стороны... и кто-то другой отвечает священнику...

Этот кто-то выдохнул:

— Беру...

Оживившийся священник громко провозгласил их мужем и женой.

Кто-то повернулся, и святой отец представил новобрачных собравшимся гостям.

Кто-то другой. Кто эта девушка?

Нужно отдать должное Карту, он не сделал попытки поцеловать ее и лишь слегка нахмурился. Хотя выражение его лица оставалось бесстрастным, застывшим, как на картине. Представить

невозможно, что он дотронется до нее, хотя по условиям брачного контракта, подписанного отцом и Кортм, он имел полное право овладеть ею. А она была обязана подчиняться.

Высечено на камне. Он может делать с ее жизнью все, что пожелает.

Господи Боже!

Невозможно представить...

Она положила ледяную руку на сгиб его локтя и позволила увести себя из церкви, под палящее солнце, в невыносимую луизианскую жару. Жару, ударившую в лицо, удушливую, непробиваемую, обволакивающую. А еще предстояло выдержать свадебный прием; как бы ни приходилось тяжело, приличия необходимо соблюдать.

Новобрачные терпеливо ждали, стоя на нижней ступеньке паперти, пока подбежавшие соседские девочки усыпали их путь розовыми лепестками.

Ее отец и Корт... тщательно следуют этикету... все, только чтобы заткнуть рты сплетникам и сделать убедительный вид, что свадьба настоящая.

Она медленно шагала вслед за детьми, не поднимая глаз, машинально пересчитывая порхающие лепестки. Гости валом валили за новобрачными.

Жерар, любовь моя...

Любовь, недостаточно мужественная и сильная, чтобы спасти меня от этого кошмара.

Позади церкви слуги из Уайлдвуда под руководством жены священника воздвигли в саду настоящий свадебный павильон.

Я не хочу этого, не хочу...

Люди, которых она знала с детства, подходили с поздравлениями, радуясь за нее, желая счастья и благоденствия, завидуя чужим страстям. Все обожают любовные истории, но самое главное — благословляют идеальный династический брак.

Разумеется, это одна из причин, почему Корт согласился на предложение отца.

Я этого не забуду. Я всего лишь товар, имеющий определенную цену. Такой же, как мешок риса или хлопковая кипа. Я стою ровно столько, сколько ушло у Корта на то, чтобы заплатить отцовские долги и приобрести половинную долю в Оук-Блаффс, а заодно получить бесплатную экономку, управляющего и любовницу в одном лице, а со временем и наследника.

Но какая от этого прибыль мне?

Необходимость терпеть ласки человека, которого я презираю. Брак, положение и потеря истинной любви.

Неужели я когда-нибудь найду в себе силы простить его? Как он мог использовать подобным образом моего отца?

Корт искоса наблюдал за ней; курсируя между гостями, принимая поздравления, она физически ощущала непроницаемый взгляд этих темных бездонных глаз.

Она взяла себя в руки. Нужно держаться. Ей не хочется ни есть, ни пить, хотя на столах достаточно еды, чтобы кормить весь приход в течение месяца. Что ж, Корт обо всем позаботился. Таковы обычаи. Ожидания каждого должны быть оправданы.

Все, кроме моих.

Она машинально приняла стакан кофе с молоком.

Он потребовал, чтобы свадьба была рано утром. Потом, после приема и завтрака, новобрачным предстояло отправиться в Уайлдвуд, где они проведут две недели в одиночестве, с самым минимальным штатом слуг.

Он распланировал все.

Она наблюдала за ним так же настороженно, как и он за ней. Невозможно отрицать, что Кортленд Саммервил обладает почти военной осанкой, внушительной внешностью и элегантностью манер, способными привлечь любую женщину. Все незамужние особы в приходе готовы были броситься ему на шею и страдали втихомолку, как влюбленные школьницы. Даже сейчас они поглядывали в его сторону, словно еще не осознали, что он уже сделал выбор, и до сих пор питали напрасные надежды на то, что все изменится.

Запретные мысли...

О Боже... Жерар...

Острая боль пронзила сердце. Навсегда разлучиться с Жераром, мягким, милым, добрым Жераром, с его нежными поцелуями и неутомимыми руками. Он знал, как уговаривать, обольщать, когда настаивать, когда ожидать, когда молить...

Не бандит вроде Корта. Настоящий джентльмен, пусть и сделавший себя сам.

И может, именно за это она полюбила Жерара. Он сумел подняться над обстоятельствами, тяжелым трудом заработать богатство, репутацию и славу.

И ничего не воспринимал как должное. Даже ее. Он собирался жениться на ней. Все было решено.

Не надо! Не думай об этом!

— Дрю?

Рядом стоял Корт. Когда он успел подойти?

Она вымучила слабую улыбку.

— Да, Корт?

— Надеюсь, ты всем довольна?

— Прекрасный прием, — похвалила она, стараясь вкладывать в слова как можно больше искренности. Да, в общем, и не было нужды лгать. Все просто идеально.

— Ну? Почему бы тебе не притвориться, что и остальное тоже прекрасно? — резко бросил он. — Выглядишь так, словно заблудилась в лесу, и чужая на собственной свадьбе. А это мне не

слишком приятно.

Вот и началась жизнь во лжи.

Она гордо выпрямилась. Ну нет, она никому не позволит топтать себя ногами, хотя он и пугает ее до смерти.

— Надеюсь, ты не ожидаешь, чтобы я разыгрывала роль влюбленной женушки? — прошипела она.

— Думаю, ждать этого осталось недолго. Не волнуйся, ты меня обязательно полюбишь.

Спесивый, надменный осел!

— Я исполню свой долг, ни больше ни меньше. Это брак по расчету, и я постараюсь выполнить условия контракта, но лезть из кожи не собираюсь.

Ее трясло от гнева. До сих пор она ничем не показала, как оскорблена и унижена сговором отца и Корта.

— Как интересно! У лани прорезались зубки?

— Ты еще не знаешь, как лань может кусаться! — с бешенством прошипела она.

— Надеюсь, — весело кивнул он.

— Не смей!

— Нет! — Он грубо стиснул ее руку. — Это ты не смей! Теперь ты принадлежишь мне, маленькая лань, и, как сама сказала, выполнишь все до одного пункты контракта.

Предчувствие неминуемой беды вновь охватило ее. Близится час, когда они должны уехать, и она не знала, как его оттянуть.

— Я для тебя — только дорогая игрушка, собственность, сосуд, в который можно излить свое семя и ждать наследника!

— Не только. Еще и самый верный способ расширить границы моей империи, не забывай этого, — ядовито напомнил он. — Половинная доля в Оук-Блаффс. Твоему отцу больше пальцем о палец ударить не придется. Разве не в этом смысл нашего союза?

— Весь смысл — в уплате его игорных долгов! И ты прекрасно знал, что делаешь, когда дал ему денег взаймы, а потом потребовал возврата долга. Что еще ему оставалось делать?

— Но он первый предложил мне жениться, — спокойно возразил Корт. — И настойчиво добивался согласия.

— Ты воспользовался его положением.

— Мы просто поговорили по душам, Дрю. Ничем я не пользовался. Всего лишь спас жизнь и репутацию твоего отца.

— Чтобы взамен наполнить сундуки, согреть постель и заселить детскую.

— Я считаю это вполне справедливой сделкой, Дрю. Тебе следовало бы гордиться таким предусмотрительным мужем.

Знакомая ярость захлестнула ее. Какой смысл спорить с ним? Он воображает себя ее спасителем, хотя отец по уши у него в долгу. Ни она сама, ни отец не способны на подобную «предусмотрительность». Значит, все это придумал Корт.

— Я никогда не прощу тебя! Его глаза опасно блеснули.

— Мне все равно, — жестко бросил Корт и, помня, что кругом люди, улыбнулся так ослепительно, словно Дрю только что призналась ему в любви. Потом безжалостно впился губами в ее губы, пожал плечами и отошел.

— Моя дорогая!

Ее отец, с его мягким, убеждающим тоном и неопровержимыми аргументами. Такой счастливый, словно дочь вышла замуж по страстной любви и сама выбрала Корта.

— Ты делаешь все, как нужно.

— Ради кого? — с горечью обронила она. Ах, разве не ясно, что она готова на все для отца! Даже стать собственностью Корта, с тем чтобы жизнь папочки могла вновь войти в прежнее русло. Если не считать одного условия: никогда больше не играть.

А что, если он нарушит обещание? Что, если ее беспринципный, бесшабашный отец отправится в Новый Орлеан и вновь поставит на какую-нибудь лошадь? И проиграет. Что тогда будет?

Но стоит ли гадать? Корт предъявил отцу ультиматум, записанный к тому же в контракте. На первый раз он заплатит... из чувства долга, на второй — из жалости, а на третий — заберет всю плантацию, оставив Виктора ни с чем.

А Виктор не тот человек, который привык к нищете. Угроза напугала его. И даже тот факт, что у него есть еще две возможности выиграть целое состояние, — не более чем пустые мечты. И те несколько месяцев после заключения контракта, когда Дрю и половина Оук-Блаффс перешли к Карту, отец вел себя безупречно: занимался делами, разливался соловьем, расписывая, сколько денег положил Корт в его банк, хотя знал, что он потребует отчета за каждый цент.

Именно Корт утверждал, что так сотрудничают все партнеры. Все должно записываться, никто не обязан доверять честному слову компаньона. Тогда не будет никаких недоразумений.

Только как вышло, что она попала в смертельную ловушку?

«Цена была слишком высока», — в отчаянии подумала она, когда отец прикоснулся губами к ее щеке. Ее тело. Ее верность. Ее жизнь.

Но отец оказался в безвыходном положении. Ростовщики жаждали его крови. Он потерял прибыль от трех сезонов, и деньги было необходимо выплатить. А какой выход может быть легче и лучше, чем союз двух самых влиятельных и богатых в приходе семейств?

А она...

О, для нее все сложится идеально, так сказал отец. Она будет обеспечена, и ему никогда

больше не придется беспокоиться о дочери.

Дрю вспомнила, как оцепенела от ужаса и негодования, услышав, что будет обеспечена. Кортлендом Саммервилем. Кредитором отца. Другом отца.

— Ты сегодня неотразима, — заметил Виктор, глядя ее затянутую в шелк руку.

Он повторяется... несколькими часами раньше, когда вел ее в пене подвенечного платья к алтарю, где стоял Корт, все твердил то же самое.

— Спасибо.

Что можно сказать отцу, считавшему, что принесенная ею жертва не что иное, как истинное благословение?

— Скоро ты окажешься в своем новом доме, в уюте и безопасности, — продолжал отец. — Не могу сказать, как я счастлив!

Бьюсь об заклад, так оно и есть.

Эта мысль потрясла ее. Она никогда, никогда в жизни не осуждала отца.

Но это было до того, как она обещала любить, почитать и слушаться его злейшего врага.

— Значит, ты счастлив, отец? — негромко спросила она.

— А ты нет? — удивился он, словно с самого начала считал ее своей союзницей.

Дрю отвела глаза. Лгать с каждой секундой становилось все легче. Корт мог забрать все в уплату долга, но потребовал лишь половину Оук-Блаффс — и ее. Она сменила одну золотую клетку на другую. Правда, эту другую уже занимает коварный тигр.

— Я... я довольна. Это наилучшее решение.

— Позволь ему позаботиться о тебе, Дрю. Он в самом деле неплохой человек.

Он чудовище.

— Уверена, что мы прекрасно поладим.

— Если бы ты только захотела, вы могли бы полюбить... он страстный человек, ты это поймешь.

Дрю вздрогнула. Ничего не скажешь, отца романтиком не назовешь. Он всю жизнь наслаждался жизнью, когда была жива мать. Именно она управляла плантацией и держала при себе все свои эмоции, чувства, добрые и недобрые.

Страсть никогда не посещала супругов, если не считать несчастного тяготения отца к игре. Да, это влечение было истинным, стоившим самого бурного любовного романа. Оно затягивало его, соблазняло, держало в своих путях. Роман всей его жизни, возможно, еще не закончившийся.

Кто способен добровольно поддаться столь неуправляемым чувствам?

Тебя затянет пучина, выбросит на берег, обессиленного, с переломанными костями или

мертвого.

Но не меня. Не меня.

И тут нахлынула мысль, непрощеная, нежеланная, неожиданная.

Есть только один способ выдержать это.

...Как мать. Совсем как мать. Отстраненная. Сдержанная. Решительная. Респектабельная.

...теперь она поняла...

Только на это и может надеяться женщина. За целое тысячелетие ничего не изменилось.

Дрю вызывающе вздернула подбородок.

— Весь приход Сент-Фобонна знает, какой *энергичный* человек Кортленд Саммервил.

— Какой стыд, Дрю! Порядочная дама никогда не слушает сплетен. Отныне ты обязана всеми силами защищать мужа. Никогда этого не забывай, дорогая. Независимо оттого, прав или не прав твой муж.

Отец обернулся в ту сторону, где Корт толковал о делах с соседними плантаторами.

Мой муж... о Боже, мой муж!

Ужасно...

Ей хотелось бежать. Господи, ей больше всего на свете хотелось бросить все, и бежать, и предоставить отцу самому отвечать за свои слабости и глупость.

Но от Корта не скроешься. Он так же неизменен, как солнце и луна, и осведомлен о каждом ее движении... и, кажется, умеет читать мысли.

«Не двигайся, — словно предупреждал его бесстрастный взгляд. — Не смей шевельнуться без меня. Теперь ты моя. И я могу делать с тобой все, что захочу».

Отец направился к Карту, стоявшему среди самых влиятельных в приходе людей, и она почувствовала, как лишилась последнего якоря. Он уплыл от нее, притянутый мужскими делами и самым мощным магнитом — Кортом.

Он тверд, как железо, и так же бесчувствен. В значении его взгляда трудно ошибиться. Едва отец присоединился к толпе, Корт отошел и направился к ней.

А она... она словно приросла к месту, ожидая, пока он соизволит приблизиться.

Ее муж...

Ноги отказывались ее держать. Она сознавала, что бледна как смерть, а пальцы трясутся.

— Ты так прекрасна, любимая, — пробормотал Корт, протягивая руку.

Дрю ничего не оставалось, кроме как взять ее. Он в одно мгновение мог лишить ее отца крова и дома. Самое малое, что могла сделать Дрю, — сжать руку мужа.

Вместе они зашагали к людям, и розовые лепестки снова посыпались дождем. Сигнал, что пора уезжать.

Иисусе... так скоро...

Экипаж остановился перед церковью. На козлах сидел Айзек, одетый так же строго, как Корт. Ноги Дрю снова подкосились.

Пора выполнять обещания. Время истекло. Время — мой враг.

Корт посадил ее в коляску, сел сам. Айзек взмахнул поводьями, и колеса застучали по дорожке, ведущей к далеким садам.

Она повернулась, чтобы взглянуть на поредевшую толпу гостей, увлеченно махавших вслед. И тут заметила человека, метнувшегося в тень деревьев.

Жерар все-таки пришел, о Господи, Жерар пришел. Он все время был неподалеку, страдал с ней, за не», столь же беспомощный и несчастный, как она.

О, Жерар... любовь моя... спасибо, любовь моя...

Он пришел. Он все видел. Он мучился. Но не позволил ей пройти через это в одиночку.

Глава 2

Так прекрасна... так вероломна...

Этот ублюдок, маячивший в кустах... словно Корт мог не увидеть его. Словно Жерар Ленуа хотел, чтобы он не обратил внимания ни на него, ни на реакцию Дрю!

Слезы.

Будь он проклят! Чертовы слезы!

Его трясло от бешенства, пока экипаж уносил их по Ривер-роуд к Уайлдвуду, ощутимо прорезая жару, густую, как мед.

Не стоило... черт возьми... он сделал величайшую ошибку в жизни, взвалив себе на шею насквозь пропитанного грехами и пороком тестя, обремененную долгами плантацию и женщину, которая его ненавидит.

Как глупо... впервые в жизни алчность и представившаяся редкая возможность затмили здравый смысл.

Но разве он вообще был способен думать связно там, где дело касалось Оук-Блаффс? Долгие годы он наблюдал, как Виктор Каледон разоряет плантацию своим несчастным пристрастием к игорным залам Нового Орлеана.

А Дрю все это видела и тем не менее защищала отца, хотя понимала, что мать загнала себя в могилу, стараясь сохранить плантацию... правда, она и представить не могла всей подлости и грязи, гнездившихся в душе отца.

Дрю...

Когда впервые он обратил внимание на Дрю?

Видимо, как только Жерар Ленуа стал ее преследовать. И когда долг Виктора Жерару возрос до небес.

Очевидно, Дрю должна была заплатить своим телом. А женившись, он заполучил бы и Оук-Блаффс.

Но Жерар был слишком занят обольщением, чтобы понять: Виктор никогда и ни за что не благословит подобный союз. Жерар Ленуа в жизни не переступит порога Оук-Блаффс даже в качестве гостя.

Поэтому Виктор пришел к Карту и предложил ему плантацию и Дрю в обмен на партнерство и спасительную ложь: пусть все считают, что именно Корт — его кредитор и что доля в плантации и женитьба на Дрю погасят все долги, все займы, все залогов... все обманы...

Дрю ни в коем случае не должна узнать, что именно Жерар требовал от отца уплаты целого состояния.

Вот так Корт и попался. Он смертельно жаждал получить Оук-Блаффс. И к собственному потрясению, заключив сделку, обнаружил, что хочет также и Дрю. Такого он не предвидел.

Или все дело в том, что зелен виноград и она так желанна потому, что тоскует по другому мужчине? А может, ему было противно подумать, что она будет принадлежать Ленуа?

Корт искоса метнул взгляд на ее задумчивое лицо, защищенное от солнца зонтиком, который предусмотрительно захватил Айзек.

Она смотрела вперед, словно надеясь, что, если не станет двигаться, кошмар происходящего исчезнет. И первым растворится в воздухе ненавистный муж.

Как она прекрасна с этими длинными черными волосами, уложенными короной на голове! Настоящая принцесса. Принцесса, идущая навстречу страшной участи.

Она вызывающе подняла подбородок, безуспешно пытаясь бороться со слезами, обжигавшими синие глаза. Она не заплачет. Не заплачет.

Дрю кусала губы, идеально очерченные мягкие губы. Господи, как ему хотелось целовать их прямо здесь и сейчас, в возмещение за поцелуй, которым он не одарил ее у алтаря.

Но она не думала о Кorte Саммервиле. Вся ее энергия, все желания были сосредоточены на Жераре Ленуа. И слезы и поцелуи приберегались для Жерара Ленуа. И тело, принесенное на алтарь долга, тоже должно было достаться Ленуа, если бы Корт не перевел на его имя сто тысяч долларов, чтобы спасти престиж и репутацию Виктора Каледона.

Корт сжал кулаки, пронзенный бессильной яростью. Теперь Дрю принадлежит ему. Он купил ее, выставил условия, достаточно ясные, чтобы не допустить недомолвок, и она, черт побери, согласилась. Теперь она — его, вся, телом, умом и душой, и не имеет права страдать по Жерару через час после свадьбы!

Корт стиснул зубы. Прежде чем окончится эта ночь, он потребует от нее выполнения обязательств. И сделает это, не прибегая к насилию и не давая волю низшим мужским

инстинктам.

Он заставит ее себя хотеть. Доведем до лихорадочного безумия, до исступления, пока она не поймет, что это такое — изнывать от желания.

А потом... о, потом она сделает все, что он потребует.

Все. Его плоть мучительно напряглась при этой заманчивой мысли.

Все, что угодно...

В эту минуту он мог бы придумать миллион вещей, включавших это «все», и его плоть отвечала на крамольные мысли, твердея, набухая...

Да, он покорит маленькую лань и не найдет покоя, пока не сотрет Жерара Ленуа из ее памяти, не заставит молить о его ласках, похоти, семени, любви...

Уайлдвуд!

Прекрасная, усаженная деревьями, завешанная испанским мхом аллея, в конце которой стояло здание, величественное, с белыми колоннами, огромное.

Совсем не похоже на уютный скромный дом в Оук-Блаффс.

Здесь можно легко потеряться, пропасть.

Она уже чувствовала себя так, будто Корт поглощает ее.

И не могла на него смотреть. И думать, когда он был рядом.

Она прекрасно знала, что теперь последует. Выплата всех отцовских долгов. Ее ум, воля, тело, будущее — все принесено в жертву чудовищу.

Она едва удержалась, чтобы не вздрогнуть.

Жерар., .0, Жерар...

Боль яростно пожирала ее.

Я могу думать о Жераре...Если буду думать о Жераре, никогда... никогда не смогу...

Не смогу...

О Господи... не смогу...

Тело словно сковало льдом. Коляска остановилась перед широким крыльцом.

Двойные стеклянные двери распахнулись, и на ступеньки вышел дворецкий в сопровождении полдюжины слуг, немедленно выстроившихся по рангу.

Айзек почтительно опустил подножку, и Корт помог Дрю спуститься.

— Это Джозеф, — представил он, показав на дворецкого. — Мэри, Иви, Люси, Чарлз, Луиза.

Дрю, вежливо кивая каждому, прошла в вестибюль.

Роскошно. Слишком роскошно для нее. Потолки высотой не менее пятнадцати футов, а изящно изогнутая лестница ведет прямо в небеса. У стен расставлены диваны и консоли, золоченые рамы картин мягко сияют в свете люстры, зажженной ради торжественного случая.

Дрю нерешительно ступила на первый из трех восточных ковров, разбросанных по паркету, полюбовалась изумительными арками, ведущими в остальные комнаты, двери которых были заманчиво приоткрыты.

Дом.

Мой дом. Теперь.

О Боже...

Она остро ощущала все: тяжесть платья, шлейф которого неуклюже волочился за ней. Молчание. Запахи. В Оук-Блаффс пахнет иначе. Величие...

Звук шагов, удалявшихся в другие части дома.

Она почувствовала, что шлейф поднимают с пола. Как мягок ковер под ногами... Оказывается, Корт рядом. Не сводит с нее пристального взгляда.

Здесь всего слишком много. Она никогда не полюбит этот дом. Господи, никого и ничто она не способна любить... кроме Жерара.

Нет, лучше не думать об этом... о *нем*, иначе она просто не найдет в себе сил выполнить договор и Корт отнимет плантацию у отца так же хладнокровно, как заполучил ее, Дрю.

Лучше уж поскорее покончить с этим. Будь что будет. Когда все закончится, может, Корт оставит ее в покое.

Они почти не разговаривали с тех пор, как вышли из церкви. Он трех слов не проронил, да и она предпочитала молчать.

Корт, со своей стороны, был потрясен тем, как сильно желает, чтобы первые минуты ее появления в доме прошли совсем по-другому. Но ведь он привез отнюдь не ту женщину, которую выбрал сам. Которую любил.

Если уж на то пошло, Дрю скорее пешка в игре, затеянной с целью расширить границы империи Саммервиллов. А пешки не могут иметь чувств или желаний. Их просто двигают на поле, удобное игроку, или при надобности легко избавляются.

Но у этой лани были чувства. И она способна укунить руку, готовую осыпать ее золотом, окружить роскошью, подобной которой она видеть не видела в Оук-Блаффс. Лань может убежать.

Нет!

Он принял решение сразу и мгновенно. Однако они женаты, она принадлежит ему, и он переживал все муки ревности хозяина и собственника, словно любил ее всю свою жизнь. И внезапно сделка, еще вчера казавшаяся такой важной, потеряла всякий смысл. Он хотел Дрю Каледон. Прямо здесь и сейчас. Хотел сорвать эти девственные одежды, наброситься на обнаженное беспомощное тело, погрузиться в его неизведанные глубины. Хотел, хотел, хотел...

Степень собственного возбуждения поразила Корта. Он хотел...

Перед мысленным взором одна за другой мелькали картины всего того, что он жаждал сделать с ней, и каждая кружила голову, почти лишая рассудка.

— Тащите ее наверх! — грубо приказал он. Нужно все обдумать. Взять ее силой легче легкого.

Корт нечеловеческим усилием воли изгнал бурливший в крови жар.

— Да, сэр, — кивнула Эви, до этой секунды спокойно стоявшая за спиной новой хозяйки. — Миссус...

Дрю слепо ухватилась за перила.

Значит, момент, которого она так боялась, настал. Она поняла это по голосу Корта.

— Подготовь ее.

— Да, сэр.

Эви, как тень, маячила сзади, пока Дрю поднималась по ступенькам. Гора. Тысяча шагов навстречу судьбе. Почему бы ему не наброситься на нее прямо сейчас? Все легче. И кончится быстрее. Она подарит ему наследника, и ее оставят в покое.

— Эви! — прохрипел Корт. Эви остановилась и послушно подождала, пока хозяин, торопясь и перескакивая через две ступеньки, доберется до нее. Корт прошептал что-то служанке на ухо.

— Да, сэр.

Эви приподняла чуть выше тяжелый шлейф.

— Миссус...

Дрю судорожно сглотнула слезы и молча продолжала путь. Шаг за шагом. Наконец она ступила на площадку. Обстановка еще роскошнее, чем внизу, только свет не такой яркий. В длинный, устланный ковром коридор выходило множество дверей.

— Первая направо, миссус, — сообщила служанка.

— Разумеется, — пробормотала Дрю. Самые лучшие и уютные помещения всегда предназначались хозяевам.

Она переступила порог и оказалась в просторной комнате, почти такой же большой, как гостиная в Оук-Блаффс, и утопавшей в атласе и кружевах.

— Хозяин приказал раздеть вас, миссус, и сделать все, чтобы вам было удобно.

— Да, — прошептала она.

Удобство... слишком скромное описание для того, что она здесь видит. И все это для нее.

Эви подвела ее к зеркальному шкафу и выдвинула мягкий табурет. Дрю неподвижно застыла, как манекен, пока девушка, бормоча комплименты, вынимала шпильки, которыми была скреплена фата Дрю. Облако тюля опустилось на персидский ковер.

— Сейчас сложим и прибережем для свадьбы вашей дочери, — пообещала Эви, относя на кровать тонкую ткань. — Не шевелитесь, миссус, иначе, не дай Бог, порвем ваш чудесный наряд.

Дрю равнодушно взглянула на свое отражение.

Если бы только я могла исчезнуть в зеркале...

Она, словно замороженная, наблюдала, как Эви, стоя на табурете, возится с крючками и застежками и под ее ловкими руками платье начинает медленно сползать сначала с плеч, потом с груди, бедер... и наконец ложится у ее ног шелковой лужицей.

Эви, как крошечная птичка, порхнула вниз, подхватила платье и поместила рядом с фатой.

— Луиза за ним приглядит, миссус, не сомневайтесь. А теперь этот противный кринолин... — Она потянула за бантик, и кринолин, как по волшебству, исчез. — Панталоны и чулки... ах уж этот корсет! Так и помереть недолго! Как вы еще дышите? Следовало бы сжечь того, кто придумал такую пытку! Сейчас стащу его, и вам сразу легче станет. Вода для ванны вот-вот будет. Потом ужин, и вы, можно считать, готовы для хозяина.

Должно быть, Эви непрерывно трещит, чтобы успокоить ее, отвлечь от того неизбежного, что неумолимо надвигается с каждой минутой. Но Дрю ни о чем другом думать не могла, и когда Эви продела ее руки в атласный пеньюар, Дрю поморщилась от неприятного прикосновения скользкого материала к разгоряченной коже.

— Идемте, миссус.

Какое блаженство! Эви подвела ее к нише между смежными спальнями, оказавшейся чем-то вроде ванной. В мраморное возвышение была вделана большая железная ванна, в которую Чарлз как раз лил горячую воду. Рядом стояла Луиза с подносом, на котором громоздились брусок мыла, флакончики с душистыми маслами и лежала стопка полотенец.

— Уже можно, миссус.

Дрю погрузилась в тепло, как в объятия любовника.

Жерар...

Нет!

Вода лизала ее тело, теплая, уютная, успокаивающая...

Сосредоточься на Корте. Думай о Корте. Дай ему место в своих мыслях. Всего лишь разок. Корт не животное. Корт не причинит тебе зла.

Мягкое... все такое мягкое...

Она погрузилась глубже в воду и закрыла глаза, отгородившись от реальности, как только Луиза начала мыть ей голову. Настоящая мечта... жизнь в несказанном богатстве и довольстве... спокойное существование супруги одного из самых достойных и влиятельных граждан штата.

Что такое минута постыдной капитуляции по сравнению с этим?

Нежные... его руки будут так же нежны, как у Жерара, когда он ласкал ее, умоляя подарить поцелуй...

Нет!

Дрю резко дернулась, и вода выплеснулась через край.

— Ш-ш-ш, миссус, ш-ш-ш, — проворковала Луиза, выливая в ванну масло из пузырька. — Хозяин вас не обидит, нипочем не обидит. Не волнуйтесь... тише...

Откуда она знает? Откуда?!

Дрю отдала себя на волю нежных пальцев, уверенно, умело массиравших ее голову. Нежный аромат бил в ноздри. Хорошо бы остаться здесь навсегда, медленно уплыть в забытие и не вернуться...

— Миссус, — разорвал тишину голос Эви, — пора.

Пора? Пора?

Вода уже остыла, с волос капало... пришлось опереться на руку Луизы и выйти из ванны. Эви проворно накинула на нее полотенце.

— Ну вот, миссус, ну вот, — бормотала служанка, отводя ее в спальню и усаживая на постель, с которой уже исчезли платье и фата. — Садитесь, миссус. Сейчас я подготовлю вас для хозяина.

Зловещее обещание.

Дрю съежилась.

Подготовить...

Эви принялась растирать ее ноги и, обернув их вторым полотенцем, взялась сушить волосы.

Дрю чувствовала, что последние силы покидают ее. Вместе с остатками мужества.

Подготовить...

Эви взяла щетку и стала расчесывать спутанные пряди медленными, успокаивающими движениями. Ну просто идеальная горничная, созданная для ухода за госпожой. Почтительная и умелая. Вполне подходящая для хозяйки Уайлдвуда.

Дрю задохнулась.

Хозяйка... у которой есть хозяин... собственный хозяин.

— Ну вот, все в порядке, миссус, — объявила Эви. — Встаньте, и я уберу мокрые полотенца.

Дрю с трудом поднялась и позволила Эви снять полотенца.

— Скоро придет хозяин, миссус.

Эви направилась к двери, оставив Дрю обнаженной.

— Эви... мой халат...

Служанка решительно покачала головой:

— Хозяин не велел, миссус. Сказал, ждать его как есть. Ни халата. Ни полотенца. Без всякой одежды. Ничего. Ничего, что бы помешало желаниям хозяина.

И не успела Дрю опомниться, как Эви исчезла. В скважине заскрипел ключ.

Глава 3

— Эви! — Дрю метнулась к двери, забарабанила кулаками. — Эви... Эви!

Нет ответа.

Дрю помчалась в ванную. Но Луиза словно растворилась. Смежная дверь тоже не поддавалась.

Заперли! Как самку перед случкой!

Ярость душила девушку, не давая дышать. Сообразительности хватило лишь на то, чтобы сорвать с кровати покрывало и закутаться. Руки тряслись так, что узел удалось завязать с третьей попытки. Она не предстанет перед ним голой. Не дождется!

Так просто она не сдастся!

О, если бы на месте Корта был Жерар!

Девушка рывком распахнула дверцы шкафа.

Пусто!

Но чего было ожидать? Это *его* слуги и ничем ей не обязаны. И разумеется, будут подчиняться *его* приказам, не ее. Очевидно, он потребовал оставить ее без одежды.

«Хозяйка Уайлдвуда», — горько думала девушка, туже стягивая покрывало.

Только по имени. В действительности она всего лишь его рабыня. Всегда к услугам господина, только свистни!

Как отец посмел допустить такое? А Жерар?

Но хуже всего теперешнее ожидание. Сколько еще он намерен ее выдерживать? А когда придет... что потом?

Он получил права... за кругленькую сумму в сто тысяч. Целая жизнь в неволе, во имя дочерней любви и преданности...

Племенная кобыла...

Она вдруг замерла у окна и приподняла атласную гардину. За стеклом — целый мир, исполненный безмятежности и красоты. Лучи яркого полуденного солнца терялись в тени дубов, окаймлявших аллею. Зеленый, аккуратно подстриженный газон тянулся до самой дороги. Вдали поблескивала лента реки.

И ни единой души кругом. В таком доме, как Уайлдвуд, вся работа делается незаметно, как бы за кулисами, так что постороннему человеку представляются лишь мирные пасторальные

сцены.

Но сейчас Дрю было не до спокойствия. Через минуту или через час, но Корт все равно распахнет эту дверь и потребует исполнения супружеских обязанностей.

Невообразимо! Она так привыкла к благородным манерам Жерара! Как почтительно он ухаживал за ней! Истинный джентльмен! Нежные ласки... легкие сладостные поцелуи...

Она уже поняла, что Корт — человек неукротимых страстей, вспыльчивый и неуправляемый. Не выносивший дураков и не отличавшийся терпеливостью. Тот, кто всегда добивается всего, чего хочет. На этот раз он возжелал ее тела. Он ни за что не согласился бы на сделку, если бы по каким-то одному ему понятным причинам не добивался ее. Дрю Каледон.

Нет, не правда, его целью была плантация, а сама она пошла в придачу к лакомому кусочку. Подумаешь, какие-то жалкие расходы на свадьбу! Правда, шлюха из Французского квартала обошлась бы дешевле, но все же...

О Боже...

Мужчина, подобный Карту, не любит ждать. Скоро появится... она в этом уверена.

Дрю отпустила край гардины и оглядела комнату, изумительную, роскошную комнату, которая должна бы стать будуаром невесты, местом перехода из тихого озера невинности в бурное море плотских наслаждений. Но эти стены давили на нее, как тюремные решетки.

Что он потребует от нее? И каким образом?

Удостоит ли хотя бы поцелуя?

Или просто швырнет на пышную перину и прикажет раздвинуть ноги?

Он не пойдет на такую жестокость. Не столь Корт бесчеловечен...

Но ведь при этом и не ведает, что она любит другого и уже познала удовольствие ласк и поцелуев в объятиях возлюбленного...

О, Жерар...

Дрю застонала. Измена почти убила ее. Она, не задумываясь, отдалась бы Жерару, а вместо этого покорно ждет своего мрачного господина, который волен распоряжаться ею, как любой невольницей.

Девушка упрямо тряхнула головой. Нет, нужно отбросить опасные мысли, которые могут привести к несчастью. Она и без того почти ненавидит мужа.

И боится...

Одна ночь, Дрю, всего одна ночь, и ты потеряешь девственность. Он придет и вонзится в тебя, а после этого все будет легче.

Легче для него.

Но для женщины эти ночи превратятся в пытку.

Она никогда не видела голого мужчины. Даже Жерара. А сама сразу же после ванны спешила одеться. Горничная обливала ее водой, закутывала в полотенце и спешила принести халат.

А сейчас ее словно выставили на всеобщее обозрение. Дрю чувствовала себя неуклюжей, неловкой, глупой и до смерти напуганной.

Жерар никогда бы так со мной не поступил.

Девушка вздрогнула. Бесплезно думать о том, что могло бы быть...

А что делает отец? Сейчас, в ночь, когда принес свою невинную дочь в жертву богу роскоши и богатства?

Прекрати! Хватит!

Она ведет себя, как робкий ребенок, жертва, когда должна держаться настоящей королевой. В конце концов, отныне она хозяйка Уайлдвуда!

Что бы это ни означало...

«...Дрю Каледон, со своей стороны, должна стать хозяйкой Уайлдвуда, включая выполнение супружеского долга по отношению к мужу, а также всех домашних дел, как то: управление домом, садом, надзор за слугами, ведение счетных книг, выдача припасов, устройство обедов, во время которых необходимо развлекать гостей, и других функций, входящих в круг супружеских обязанностей...»

Обычный контракт. Заверенный адвокатами. Корт знает, как получить свое. Она — всего лишь один из пунктов в длинном списке. Пункт, за выполнением которого он присмотрит, как только появится время.

И Дрю добровольно подписала контракт, отдав себя в рабство, побуждаемая покаянными обещаниями отца исправиться и его же мечтами о жизни, полной роскоши и богатства. Для них обоих.

Но разве у женщины когда-либо есть выбор? Хотя бы у ее матери?

Тишина в доме тревожила все больше.

«Обитель тайн», — в отчаянии думала девушка. За этими стенами она спрятана надежнее, чем в монастыре.

И узнает все секреты женщины и мужчины еще до того, как закончится день.

Кольцо оттягивало палец, сжимало, напоминая о том, что это НАВСЕГДА.

Как единственный шаг может навсегда изменить жизнь человека...

Должно быть, он давно женился бы, если бы не стремление заполучить Оук-Блаффс...

И Дрю.

Он медленно, шаг за шагом поднимался вверх. Как легко... слишком легко отдаться на волю плотских инстинктов. Жаль, что он не может жить одними чувствами, как проклятый Ленуар. В этом случае он, не задумываясь, хватал бы что хотел, и черт с ними, с последствиями!

Ленуар пребывал в полной уверенности, что получит Оук-Блаффс. И Дрю.

Но теперь все кончено. Виктора обуздали. Пока. Хотя особых иллюзий относительно тестя Корт не питал. Ленуар остался с носом и убрался: Корт постарался его удалить еще до того, как новобрачные покинули церковный двор. Остался лишь момент истины... наедине с Дрю.

Он сам — автор этой пьесы, но не известно, как будет развиваться действие. Дрю, вне всякого сомнения, все еще равнодушна к Ленуару, что еще больше затрудняет его обладание девушкой.

Его надменность и заносчивость либо напугали, либо обозлили Дрю. И Корт почти предвкушал, как она набросится на него. Он предпочитал такую Дрю. Полную жизни и огня.

Для него.

Ему не нужна кукла, которая будет послушно покоряться любому окрику и приказу. Такую можно купить на любой улице Нового Орлеана.

Но леди купить невозможно.

Голая Дрю. В его постели.

Кровь бросилась ему в голову.

Он купил Дрю.

Корт тряхнул головой и, сбросив фрак, швырнул на консоль.

Он не рыцарь в серебряных доспехах и готов первым это признать. Его мотивы так же низки, как у любого мужчины, которому приспичило взять женщину, если не считать того, что эта женщина — единственная, которая ему нужна.

Но неразборчивость не в его характере.

За фраком последовал галстук, повисший на фарфоровой статуэтке. Штиблеты разлетелись по коридору.

Похоть с каждой минутой разгоралась все сильнее.

Интересно, как часто мужчине приходится самому готовить декорации для сцены обольщения?

При мысли о Дрю, обнаженной, дрожащей, ожидавшей за дверью, ожидавшей *его*, у Корта помутилось в голове.

И пусть она не хочет его...

Он был уверен, что она услышала позвякивание ключа в замочной скважине, но когда Корт ступил в комнату, даже не обернулась.

Корт сам не знал, чего ожидал. Но уж, конечно, не увидеть Дрю, спеленатую, как мумию, и сидящую у окна. Какой невероятно худенькой и хрупкой она казалась в эту минуту!

Корт запер дверь неспешно, тщательно, стараясь выиграть время. Взбешенная Дрю бросила на него косой настороженный взгляд.

Он сложил руки на груди и прислонился к косяку.

Черт побери, будь все проклято, она думает о Ленуаре. Бережет себя как может для этого прохвоста.

Только через его труп. Прежде он убьет выродка! Ничего, он уничтожит всякую память о нем, даже если придется для этого прикончить и Дрю.

Молчание тянулось, становясь все более неловким. Она была уверена, что он с порога начнет предъявлять свои права, требовать, что позволит ей, в свою очередь, сопротивляться с чистой совестью, бороться до конца, причинить ему столько боли, чтобы он и не подумал прикоснуться к ней.

Но Корт ничего не сказал... нет, не правда... за него говорили глаза. Жадные. Горящие. И даже Дрю в своей невинности ясно понимала значение этого взгляда. Он пришел за своей наградой.

И она — эта награда.

— Мне нужна моя одежда, — сухо обронила Дрю.

— Нет! — прорычал он.

Сердце девушки упало.

Значит, милосердия и пощады ждать не приходится.

А что она воображала? Что он явится с подарками, цветами, стихами и мольбами?

Он груб, жесток и привык брать, не спрашивая.

Так тому и быть.

Девушка с трудом взобралась на постель, потащив за собой покрывало.

— Я готова.

Щека Корта раздраженно дернулась. Готова! Это она-то, с ее мученической физиономией и покрывалом, обтягивающим тело надежнее, чем пояс целомудрия!

Она нуждается в сильной, твердой руке. Дрю не глупа. Не наивна. Но чего он ожидал? Лань пуглива и готова в любую минуту сорваться с места и сбежать от хищника. А его задача — выманить ее из укрытия и заставить забыть о девических страхах, пока она не начнет молить о пощаде.

— А я нет, — коротко буркнул он. — И так дело не пойдет.

— Ну а я только и мечтаю о том, чтобы поскорее с этим покончить! — отрезала Дрю, садясь.

Это уже лучше: лань показывает зубки.

Корт не изменил позы. Пусть выговорится. Все равно игру ведет не она, пусть пока и отказывается это признать. Ей еще предстоит узнать, кто здесь имеет право предъявлять претензии, а кому следует робко склонить голову. Но ничего, всему свое время. И он получит ее. Покажет, кто здесь хозяин.

— Возможно, — не повышая голоса, признал он, — но прежде, маленькая лань, два условия, и всякая торговля неуместна. И возражения бесполезны.

Глаза девушки яростно сверкнули.

— Ты уже определил все границы, Корт! Все, что выходит за их пределы, для меня неприемлемо.

— Два условия, — спокойно повторил он, не обращая внимания на выпад. — Первое: ты никогда, слышишь, никогда не будешь прятать от меня свое обнаженное тело...

Дрю рассерженно вскинулась.

— ...и второе: ты не смеешь отказать мне ни в чем... здесь, в нашей спальне.

Девушка задохнулась. Руки сами собой сжались в кулаки. О, с каким бы наслаждением она вцепилась ему в горло! Мало того что он купил ее, так еще и отобрал все, до последней нитки!

Тело и душа... все принадлежит ему. У нее не осталось ничего своего. И если она воображала отпугнуть его словами или жалким куском ситца, то явно недооценила его решимости воспользоваться своим новым приобретением. Невольница, покорная его капризам, его власти, его похоти.

На всю оставшуюся жизнь...

Дрю зажмурилась, только сейчас осознав все значение этой фразы. Быть связанной с этим человеком, никогда не узнать настоящей любви, другой жизни...

— Ты меня слышала? — прошептал Корт обманчиво-тихим, вкрадчивым голосом.

— Я... слышала... д-да... — заикаясь, пролепетала девушка.

— Да ну? Неужели слышала? Ты понимаешь, чего я хочу, и еще не покорилась? Именно это хочешь мне сказать? Что мои желания не важны для тебя? И с моими, пусть и незначительными, требованиями можно не считаться?

— Я...

Судорога стиснула ее горло. Хозяин отдает приказания: холодный тон, ледяные глаза, бесстрастное лицо. Он желает показать свою власть, заставить ее усвоить, что он может делать с ней все, что захочет, потому что сполна заплатил за это право.

Прямо с невольничьих торгов и в его кровать. Да какая, в конце концов, разница?

— Я жажду видеть тебя голой... прямо сейчас! — приказал он. Резко. Непререкаемо.

И все же Дрю не могла заставить себя обнажиться перед ним. Ее охватило одиночество. Предательство... самые родные люди ее предали...

Прости меня, Жерар... любовь моя...

— Привыкай, маленькая лань.

Корт направился к ней медленно, подчеркивая каждый шаг мягкими, зловещими, похотливыми

командами.

— Отныне ты всегда будешь встречать меня без одежды. В этой комнате больше не останется ни клочка ткани, ни одного предмета одежды, которыми ты могла бы прикрыться.

Он был уже совсем близко, и она перекадилась на другой край кровати.

— Я буду диктовать, что тебе носить и носить ли вообще, и стану сам тебя одевать... если когда-нибудь позволю одеться.

Она сжималась все больше, но Корт неумолимо преследовал ее.

— Я купил твое обнаженное тело, маленькая лань, и оно мое, и я намереваюсь владеть им в любое время и в любом месте, и ты не сможешь мне помешать.

Он надвинулся на нее, и девушка скорчилась у закрытой двери. Корт присел на корточки рядом с ней.

— А если не отдашься добровольно, значит, возьму силой. Будешь сидеть в этой комнате, голая, пока не научишься быть покорной.

Черный дьявол... животное... как он смеет обращаться со мной подобным образом?

Собрав последние силы, она поднялась и вызывающе прошипела:

— Ты никогда меня не получишь! Корт смерил ее взглядом.

— Еще как получу, маленькая лань! И это будет самым трудным уроком, который тебе придется усвоить. Господин всегда добивается исполнения своих желаний!

Корт одним грациозным прыжком вскочил на ноги.

— Я хочу видеть твое тело, — повторил он. — Все еще пытаешься сопротивляться, Дрю?

— Кто-то должен быть первым, — пробормотала она, кутаясь в покрывало.

— Даже та неблагодарная тварь, жизнь и репутацию отца которой я спас?! Тебе следовало бы давно лежать на спине, широко раздвинув ноги и умоляя меня насладиться тобой! Любая другая женщина на твоём месте целовала бы мне ноги в признательность за то, что я для нее сделал!

Он подступил совсем близко.

— Но не ты. О нет, только не принцесса Оук-Блаффс! Столько денег потрачено... и я даже не смею посмотреть, что за товар мне достался!

Расстояние между ними совсем сократилось. Разгоряченный, со вздыбленной от похоти плотью, он был ужасен.

— Воображала, что преподнесешь свою чистоту в дар этому фату Ленуару? Не так ли, маленькая лань? Думала, что я задеру тебе юбки, лягу сверху, сделаю несколько необходимых движений, и на этом все будет кончено, и ты останешься верной ему? Но ты немного ошиблась.

Он вцепился в край ткани, обтянувшей ее плечи.

— Это мой дом. Мое покрывало. Мои деньги. Моя голая жена. Немедленно избавься от этой штуки!

Но Дрю сопротивлялась. И ничего не могла с собой поделать. Добровольно она не сдастся. Ни ему, ни ярости в его глазах, ни бешенству в голосе. Ни силе рук, безжалостно сдиравших с нее покрывало.

Наконец он вырвал покрывало и отступил. Дрю прижала к груди бесполезный клочок ткани, оставшийся в пальцах, словно последнюю надежду на спасение.

Корт легко отобрал у нее лоскут, бросил на пол, и она осталась беззащитной под его холодным оценивающим хозяйским взглядом, изучавшим каждый дюйм ее тела, от раскрасневшегося лица и тугих грудей до тех потаенных местечек, о которых было страшно подумать.

Он неспешно обошел кругом застывшую от стыда девушку.

— Ну и ну! Лакомый кусочек! Горячая же ты штучка, маленькая лань! Кто бы мог предположить, что под ярдами девственно-белых кружев скрывается *такое!*

И все это принадлежит ему... только он имеет право учить ее, наказывать и делать все, что захочет. Она будет принадлежать только ему!

Он жадно пожирал прищуренными глазами ее совершенную грудь.

— По зрелом размышлении, думаю, что не так уж много и заплатил, — вынес наконец Корт свой вердикт. — Не шевелись, Дрю. Я еще не насытился созерцанием.

Она сама не понимала, как выносит все это: сомнительные комплименты, исполинское вздутие между его ног, ощущение полнейшей беззащитности перед лицом кого-то примитивно-дикого и куда более сильного, чем она. Он способен переломить ее, как соломинку. И сделает это способами, о которых она даже не подозревает.

— Только поскорее! — вырвалось у нее.

— Нет... ни за что, — покачал головой Корт, снова обходя ее кругом. — Тобой нужно наслаждаться медленно, моя лань. Эти округлые высокие груди, твердые острые соски, бедра, упругая попка... я не желаю торопиться. Много дней подряд буду лишь разглядывать тебя.

— Корт, пожалуйста...

— Нет. Ты будешь жить в этом доме в одежде Евы, в чем мать родила и исполнять все мои желания. Будешь, Дрю, обещаю. У тебя не останется ни минуты на раздумья о ком-то еще. Или о чем-то. А теперь повернись и иди в глубь комнаты. Хочу посмотреть, как колышутся твои ягодицы при каждом шаге.

— Прошу, не надо...

— Что именно? Трогать тебя? Я этого и не делал, хотя так и подмывает. Не нужно насиловать тебя? И этого не было. И не будет. Довольно и того, что ты в моих руках и моей власти. А теперь — вперед!

О да, в его власти. Точно. Определенно. И все эти намеки на Жерара... у нее просто кровь холодеет.

Он знает.

Господи, откуда?

Но если это так, у нее нет иного выхода, кроме как покориться ему. Все, что угодно. Лишь бы защитить Жерара и скрыть свою любовь.

Тело словно налилось свинцом. Дрю не представляла, как сможет сделать хотя бы шаг, позволить Карту коснуться ее.

Она прикусила губу, повернулась, так что ему удалось заметить изгиб груди и розовый сосок, и сделала первый шаг.

Корт наблюдал за ней сквозь полуопущенные ресницы. Само совершенство. Без единого изъяна! Мягкие округлые ягодицы, чуть заметно покачивающиеся бедра, которые так приятно сжать и приподнять, когда мужчина готовится овладеть этим соблазнительным телом.

О, как ему хотелось схватить ее прямо сейчас, врезаться в тугие глубины! Сотни фантазий мелькнули в мозгу всего за одну секунду.

Девушка остановилась у стены, ожидая дальнейших распоряжений.

О, этого он примерно и ожидал. Небольшой бунт, который он подавит.

— Повернись и иди ко мне! — скомандовал Корт, и девушка беспрекословно подчинилась.

Груди чуть колыхались, соски так и молили о ласках.

Такого желания он до этой минуты не ведал. И не мог ничего поделать со своей окаменевшей плотью. Да и не хотел. Он жаждал сделать то, о чем она его просила: бросить ее на кровать и вонзиться до самого основания. Жаждал ощутить, как она вдавливаясь в его бедра своими. Как щекочат ее груди его торс.

Он хотел все это... и большего... большего... большего...

Но она так близко и так далеко, и смертельно его боится. Он не может рисковать испортить все, хотя пальцы так и чесались скользнуть между ее бедрами и исторгнуть стон наслаждения.

Дрю, сама того не сознавая, нервно обводила языком влажно блестящие губы. Он едва удерживался от того, чтобы впитаться в них. И представил, как она лижет его... всего, с головы до ног, а потом высасывает досуха его истомленную плоть.

Но вместо этого она стояла перед ним голая, смущенная, трепещущая, чистая... соблазнительная.

Он не мог позволить себе ни сочувствия, ни участия. Она хотела поскорее «покончить с этим». Приберечь свою бессмертную душу для Ленуара. Он видит это по ее глазам. Тем легче отдать следующий приказ:

— На постель!

О Господи, да, да, все, чтобы избавиться...

Дрю закрыла глаза и облегченно вздохнула. Наконец настал подходящий момент. Но тут она

едва не поддалась внезапно нахлынувшей панике.

Каким же образом девственница может совратить развратника, если она не способна даже вынести взгляд его понимающих голодных глаз и вид восставшей могучей плоти? От него не уйти. И не нарушить добровольно подписанного контракта. Не настолько она нечестна.

Но и не думала, что с ним будет так трудно. Что он окажется таким жестким, несгибаемым, безжалостным.

Пусть он воткнет в меня эту штуку и изольется... остальное дастся легче.

Она двинулась к кровати, чувствуя на себе его самодовольный взгляд. И услышала негромкое восклицание, когда села на кровать, подобрав под себя ноги.

Просто невероятно, как подействовала на него ее поза. Какую соблазнительную картину она собой представляла! И ему всего лишь достаточно оседлать ее и вонзить свой пульсирующий жезл в тугую горячий грот.

Но для этого слишком рано. Она готова покориться, лишь бы он быстрее убрался из комнаты. Вообразила, что ее нагота укротит его.

Как этого выскочку Ленуара.

Он готов побиться об заклад, что она обвела ублюдка вокруг пальца, заставила плясать под свою дудку. Возможно, привыкла к тому, что стоит взмахнуть ресницами, соорудить глазки, и мужчины бросаются к ее ногам!

Но он ей не комнатная собачка!

И это всего лишь один урок из многих, которые предстоит узнать маленькой лани. Он человек терпеливый, несмотря на то что умирает от желания овладеть ею. О да, влечение было почти неодолимым, и плоть ныла от желания поближе познакомиться с ее прелестями.

Что же, тем лучше. Потому что скоро, очень скоро он научит ее желать его.

— На спину, моя лань. Прекрасно. Теперь подними свои груди и расставь ноги.

Дрю застонала, протестующе дернулась, и Корта вновь захлестнула волна бурлящего вожделения.

— Поторопись, Дрю. Я хочу видеть все, что у тебя между ног.

Дрю повернулась на бок.

Ни за что. Будь проклят, ублюдок...

Ему придется коснуться ее гораздо раньше, чем он намеревался, но необходимо сломить сопротивление Дрю. Немедленно.

Она почувствовала, как горячая огромная рука легла на бедро, бесцеремонно перекатила ее на спину.

— Не перечить хозяину! — прорычал он. — Раздвинь ноги, или я их раздвину!

— Ни за что...

С нее довольно! И он даже не разделся... а она никак не может сообразить, что ему нужно и что он собирается делать... но все равно не поддастся ему... не унижится до такого...

Но вскоре стало ясно, что он непоколебим.

Корт сбросил сорочку и оторвал рукава, вне себя от злобы, вожделения и безумного желания погрузиться в нее.

Ей не уйти. Он сильнее, крепче и легко ее одолеет. Поставит на колени. Она еще будет молить его о милости. Ей не удастся лягнуть его слишком больно или откатиться достаточно далеко, чтобы избежать хватки цепких рук.

Невзирая на сопротивление, он обвил рукавами ее щиколотки и привязал свободные концы к кроватным столбикам.

— Подонок! — прошипела она. — Что же ты медлишь? Возьми меня!

— О нет, моя обнаженная лань. Не выйдет! Это было бы слишком легко.

Он взял стоявший у окна маленький стул и сел так, чтобы лучше видеть ее.

— Как ты можешь вытворять такое?

— А что такого я вытворяю, маленькая лань? Всего лишь услаждаю взор соблазнительной наготой жены.

Она бессильно упала на перину, беспомощная, униженная, испытывая в этот момент лишь одно желание — умереть. Но тело не повиновалось. Не хотело оставаться спокойным и упрямо натягивало путы, удерживавшие ее ноги, словно бессознательно пытаясь ослабить узел и освободиться. Но вместо этого напряжение и злоба с каждой минутой все больше усиливались.

Дрю неестественно изогнулась и, откинув голову, монотонно повторяла:

— Будь ты проклят, будь проклят, будь проклят...

Никто и никогда так с ней не обращался. Жерар ни за что бы...

Он боролся с собой из последних сил, жадно вбирая взглядом покачивания бедер. Воображал, что лежит между этих ног, вонзаясь в это горячую плоть глубоко и мощно, утопая в ее любовных соках, взрываясь в долгожданной разрядке...

Корт не мог насытиться видом этого девственного тела, неожиданно обнаружившего собственный эротический ритм, именно такой, какой он видел в своих фантазиях.

Это его владения, и он здесь хозяин. Достаточно лишь снять брюки, оставшись обнаженным, погрузиться в ее извивающееся, мечущееся тело и унести к сладостному забытию.

Но предвкушение лишь усиливает грядущее наслаждение. Это хорошо ему известно.

Корт медленно поднялся и шагнул к кровати.

— Ненавижу тебя!

— Что ж, вот твой первый урок, маленькая лань: я ненавижу, когда мне отказывают в том, чего мне хочется.

— Возьми все, — прошептала она, — только убирайся поскорее.

— Нет, жена, ты так и не поняла. Ты должна по доброй воле дать мне все, что хочу, когда бы и где бы я это ни потребовал. Итак, когда я впредь велю тебе раздвинуть ноги, ты ляжешь на кровать и разведешь свои бедра на всю ширину перины. Ясно?

— Я никогда...

Он поспешно закрыл ей рот ладонью.

— Вижу, тебе все еще нужно втолковывать, кто кому здесь обязан. Ты заметила, что я по доброте душевной предпочел закрыть глаза на тот факт, что ты не приподняла груди, как было сказано. Что же, оленей нужно приручать постепенно. У нас впереди много времени, Дрю. Не думал, что, заплатив столько денег за тебя, мне придется приложить еще немало трудов. Считал, что твоя благодарность уступит лишь всеобъемлющему желанию угодить мне. Но даю слово, Дрю, это время придет. Ты покоришься мне. И тогда будешь молить о каждой милости, каждой ласке.

— Никогда! — воскликнула она, пытаясь вырваться. — Никогда, никогда, никогда...

Корт безжалостно усмехнулся.

— Через час-другой Эви освободит тебя, — объявил он. — А пока привыкай лежать в такой позе.

— Ненавижу! — упрямо повторила Дрю.

— А вот это значения не имеет, маленькая лань. Главное, чтобы ты никогда не прятала от меня свое обнаженное тело.

Он почти выбежал из комнаты, и как раз вовремя: жгучая потребность наконец победила, и напряженная плоть взорвалась в приступе головокружительного вожделения с такой силой, что он судорожно согнулся, схватившись за низ живота.

Скоро. Скоро. Лань начнет есть с руки. И гораздо раньше, чем думает, она будет готова удовлетворить то темное желание, которое поглотит и утопит их обоих.

Глава 4

Устав от бесплодной борьбы, Дрю лежала неподвижно. Только дыхание со свистом вырывалось из груди. Она так измучилась, что не могла шевельнуться. Да и не хотела. Господи, пошли ей забыть!

Корт словно обезумел.

Что ему нужно от нее, если не того, чего каждый мужчина желает от женщины?!

Какая мерзость... почему он унижает ее? К чему эта гнусная игра?

И все же... все же... выражение его глаз, когда она осталась обнаженной... да, он хочет ее... безумно, страстно. Даже такая невинность, как она, это понимает. Недаром его спящий гигант

проснулся и восстал, безумно напугав ее. Непередаваемо огромный, толстый, твердый, как сталь... он выдавал своего владельца с головой. Корт хочет ее, как бы ни отрицал этого.

Дрю приподнялась на локтях, чтобы взглянуть на себя *его* глазами. Густая поросль жестких волос... розовые складки между бедер... длинные ноги... плоский живот... высокие упругие груди с горошинками сосков.

Девушка нерешительно дотронулась до своего заросшего темными завитками венерина холма. Какая обильная растительность... словно у дикарки! Иногда при ходьбе волосы покалывали ее. А тугие соски всегда терлись о ткань сорочки, словно грозя ее проткнуть.

Дрю снова легла на подушки, сжала груди и принялась потирать большими пальцами соски. Тело словно молнией прошило. Кажется, ее возбудила собственная нагота... расставленные ноги... бесстыдные прикосновения...

Его жестокость.

Если она отдастся ему, ее жизнь, ее чувственность никогда больше не будут ей принадлежать. И она станет вечно скорбеть о Жераре, своей потерянной любви.

Единственный выход — соблазнить Корта и вступить с ним в вечную борьбу полов. Навсегда. Или до конца. В зависимости от того, что настанет раньше.

Позже пришла Эви с подносом.

— Хозяин велел вам поесть.

— Я не могу встать.

— Хозяин велел выбрать веревки по красивее. Служанка показала черные атласные ленты.

— Давайте я отвяжу одну ногу, и вы что-нибудь съедите.

Дрю закрыла глаза, пытаясь бороться с накатившей паникой. Корт не шутит. Ублюдок в самом деле вознамерился сделать из нее рабыню и готов на все, только бы лишить ее воли к сопротивлению.

Она подумать не могла о еде. Что бы там ни принесла Эви, ей все равно.

Она тупо наблюдала, как служанка ловко снимает путы и тут же обвязывает ее щиколотку лентой.

— Ешьте, хозяйка.

Но оказалось, что у Эви было еще немало дел. Она подняла разорванное покрывало, собрала постельное белье и сняла занавески, пока Дрю давилась каждым куском.

Господи, даже занавески...

— Не дело отказывать хозяину, — наставляла Эви, подхватывая поднос. — Давайте ногу, привяжу, и будете ждать хозяина.

— Выбора у меня, кажется, нет, — пробормотала Дрю.

— Хозяйка настоящая красавица. Господин обязательно полюбит ее, — заверила Эви, связывая белье в узел и направляясь к выходу.

Дверь захлопнулась.

Роковая дверь.

Соски Дрю снова напряглись в предвкушении того, что сейчас будет. Страх сжимал горло, холодил кожу, по спине бежал озноб.

Дрю вцепилась в перину. Нет смысла вырваться... противиться ему...

Он сделает все, что захочет, и любой раб, включая ее, покорится его воле.

Она ждала, ощущая, как горит тело, постепенно привыкая к тому, что ноги разведены едва не на всю ширину кровати.

Ждала, пытаясь не думать о Жераре, о том, как она предаст его любовь, если позволит Карту взять себя.

И чувствовала, как соски, и без того напряженные и заостренные, становятся все тверже.

А бедра все раздвигались, словно тело выгибалось навстречу невидимому любовнику.

— О, как бы я хотела, чтобы ты взял меня, — тоскливо прошептала она, и голос Корта ответил:

— О нет, маленькая лань. Только не сейчас. Тебе предстоит немало уроков, и все еще живы воспоминания, которые я вытравлю у тебя из головы!

Ее тело дернулось. Девушка с трудом приподнялась. Корт стоял у маленького, покрытого чехлом стула. Очевидно, он не позаботился натянуть рубашку и уже некоторое время наблюдал, как она извивается, словно стремясь в объятия любовника. Как же она его не заметила?

Он поистине великолепен: саженные плечи, широкая грудь, покрытая порослью жестких завитков, спускавшихся до самого пояса.

А брюки спереди натянуты так, что вот-вот лопнут. Огромный бугор так и распирает ткань!

Однако Корт как ни в чем не бывало опустился на стул.

Дрю нервно облизнула губы.

— Что тебе надо?

— Восхищаюсь прелестями своей жены, — обманчиво-мягко отозвался он. — Надеюсь, атласные ленты удобнее. Знаешь, в контрасте черного и белоснежной женской кожи есть что-то непередаваемо возбуждающее.

— И ты возбужден, Корт?

— Невероятно.

— Надеюсь, ты успел насмотреться? — смело бросила она. Слишком смело. Ведь он настоящий

хищник, волк, которого невозможно приручить. Да и стоит ли? Зачем же дразнить его? Или... она этого хочет?

— Что ты, маленькая лань, конечно, нет! Твое обнаженное тело чарует меня. Я хочу насладиться каждым мгновением, знать каждый нюанс...

— А когда я увижу твое обнаженное тело? — кокетливо перебила она. Но уловка не сработала.

— Когда я посчитаю нужным. Или буду готов.

— Ты уже готов, Корт. Даже я это вижу.

— Ах, это ничего не значит по сравнению с тем моментом, когда будешь готова *ты*, маленькая лань. Ну а пока я способен удовлетворить свое вожделение, всего лишь глядя на тебя.

— Никогда не поверю!

Она говорила правду. Трудно было поверить словам, когда его мужское достоинство доказывало обратное. Господи, что будет, если оно вырвется на волю?!

— Мне все равно. Здесь решаю я. Мое желание ворваться в тебя, как в покоренный город, только обострится с каждым уроком, который я тебе преподам.

— Но что меня ждет? — прошептала она. Корт поднялся и подошел к кровати.

— Сейчас я привяжу к столбикам и твои руки, на тот случай, чтобы впредь ты не забывала приказаний и, когда я велю приподнять груди, немедленно подчинялась.

— Но ты не говорил мне... сейчас.

— Ничего, впредь ты будешь внимательнее.

Он наскоро привязал к кровати ее запястья и отступил.

— Так-то лучше. Теперь твои груди выпятились сами собой и умоляют о ласках. Но не сегодня, маленькая лань. Я всего лишь хотел полюбоваться этими ослепительными сосками, и, может, в следующий раз ты предложишь их мне по собственной воле.

— Никогда и ни за что! — прошипела она, пытаясь разорвать ленты. — Ты с ума сошел!

Нет, Корт не безумец, а ее муж, господин, и его единственная цель — сломить Дрю, прежде чем излиться в нее.

Он стоял прямо перед ней, и Дрю с ужасом увидела, что его плоть еще больше удлинилась и затвердела.

— Завтра, моя обнаженная жена, завтра мы проверим, хорошо ли ты усвоила уроки.

— Я знаю, что тебе нужно, — выдавши она.

— Вряд ли, маленькая лань, вряд ли.

— Возьми меня, — умоляюще прошептала Дрю.

— Нет, — бросил Корт.

— Ты хочешь того, что у меня между ног.

— О, маленькая лань, ты и в самом деле невежественна. Вот тебе второй урок: я хочу только того, что действительно принадлежит мне. И завтра я позабочусь о том, чтобы все узнали, что ты моя.

— Если бы ты только взял меня...

— И ты по-прежнему останешься чужой, моя обнаженная жена, которая жаждет любви другого мужчины. А желания моего тела и моей плоти... не имеют значения. Все, что имеет значение, — твоя капитуляция.

Девушка беспомощно затрепетала. Соски снова напряглись. Она ощутила, как между ногами стало влажно. Значит, дело в Жераре! Бедном, милом Жераре, который никогда бы с ней так не обошелся.

Корт все знает!

Она едва не потеряла сознание. Как давно ему известно? Но это и не важно... все зря... все напрасно... Беда в том, что теперь она не посмеет втайне мечтать о любимом Жераре, без того, чтобы не догадался муж.

— Корт...

— Твои соски притягивают меня. Взгляни только, как вздымаются твои груди. Ни один мужчина не мог бы остаться равнодушным! Никогда не видел таких острых сосочков! Так и просят терзать их и сосать.

— Сделай это! — выдохнула она, заметив по его восставшему оружию, какой эффект возымели ее слова. Корт с усилием овладел собой.

— Но тебе не это нужно, моя голенькая лань. И не меня ты хочешь. Еще не меня.

Угроза... это угроза... вот почему он так со мной обращается. Вот почему...

Будь он проклят, проклят, проклят...

Она билась, извивалась, сходила с ума, стонала... Корт, поняв, что не выдержит, поспешно отошел. Ему уже было не до того, чтобы касаться ее, насиловать, овладевать... Поскорее бы выбраться из этой комнаты, пока она не поняла, какой властью обладает над ним!

— Еще не меня, — повторил он перед тем, как закрыть за собой дверь. Стук отдался в ушах подтверждением его капитуляции. — Еще не меня, — простонал он, отдаваясь на волю вырвавшейся страсти и бесполезно изливая кипящее семя. — Еще не меня...

Опустошенный, он сполз на пол.

Она не помнила, когда пришла служанка, чтобы развязать ленты. Где-то среди ночи. Она настолько отупела, что даже не осталось сил радоваться свободе и возможности наконец-то повернуться на бок.

Наконец-то. Хотя ощущение атласных браслетов на руках осталось. Но в ее снах присутствовал

Жерар. Жерар, не замечавший ее пут. Жерар, обнимавший ее, прижимавший к груди, ласкавший.

Уже утром она поняла, что в комнате кто-то есть. Не рядом, в постели, а у изножья. Она чувствовала чей-то внимательный взгляд.

Это не Жерар...

Дрю лениво потянулась, зная, что он не сводит с нее глаз, гадая, о ком она думает.

— Раздвинь ноги.

Она перекатилась на спину и спокойно расставила длинные стройные ноги, чтобы показать: все его ухищрения бессильны. Ей нечему учиться, нечего усваивать. Она сама не знала, когда решила вести себя подобным образом. Уж не в грезах ли о страстных ночах со своим возлюбленным?

Но теперь она уже не стеснялась. Внезапно все стало так просто. Слишком просто.

— Сядь.

Дрю медленно приподнялась, подвинувшись к изножью кровати и не сдвигая ног. Мало того, она сжала груди, дерзко показывая свои сокровища и бесстыдно наблюдая за быстро растущим комом внизу живота Корта.

— Прекрасно, маленькая лань. Настало время предъявить права на мою голенькую жену.

У Дрю перехватило дыхание. Ну вот, теперь он овладеет ею и оставит в покое.

Корт направился к ней, все еще не сводившей глаз с его могучего орудия. На руке его висело нечто вроде ошейника с прикрепленными к нему двумя длинными ремешками.

— Что это?

— Первая вещь, которую тебе будет позволено носить. Проденешь ноги в ремешки так, что петли окажутся у тебя на бедрах. Ошейник тебе не позволено снимать никогда. Ни днем, ни ночью, как напоминание о том, кто твой хозяин и кто в свое время будет владеть тобой. Надень.

Она пронзила его вызывающим взглядом, но все же медленно продела ноги в ремешки, затянувшиеся на бедрах, отчего ее венерин холм выдавался еще больше.

— Вот так, — едва выговорил Корт. При виде этих кожаных полосок, обрамлявших кружево темных волос и поддерживавших высокие острые груди, пламя желания загорелось с новой силой. — А теперь ошейник.

Широкое кольцо мягкой кожи с застежкой было усеяно золотыми кнопками. Корт немного отодвинулся, чтобы получше рассмотреть жену.

Великолепное зрелище! Тонкие ремешки стягивают светлую кожу, подчеркивая красоту ее груди и соблазнительного холмика, а рабский ошейник знаменует символ его владычества над ней.

— Эви!

В комнату проскользнула служанка.

— Застегни.

Эви зашла сзади, и мгновение спустя Дрю услышала почти бесшумный щелчок. Заметила, как застонал Корт. Как дернулось в конвульсиях его тело, прежде чем он совладал с собой.

Дрю подняла руку и коснулась крошечного замочка. Эви отдала ключик хозяину и бесшумно испарилась.

Корт с каждой минутой все больше возбуждался. Даже Дрю видела, что он теряет голову. Его плоть жаждала ее. Стальное копьё распрямлялось, удлинялось, набухало, по мере того как Дрю бесстыдно красовалась перед мужем, позволяя рассмотреть себя со всех углов.

Корта особенно восхищали ремешки, перекрещивавшие ее ягодицы и кокетливо исчезающие в глубокой щелке, чтобы вновь появиться между бедер.

Еще немного, и он потеряет самообладание. Уже потерял... иначе как объяснить огромное пятно, расплывшееся на его брюках?!

— На ошейнике красуется герб Соммервиллов, *жена*, так что все будут знать, чья ты собственность.

— В таком случае возьми меня, все и без того уверены, что я принадлежу тебе.

— Вероятно. Только ты и я знаем, каких героических усилий стоит мне не намять тебе живот, пока ты не усвоишь каждый урок.

— Я уже все усвоила, — запротестовала Дрю. — Даже ношу твой невольничий ошейник. И готова принять тебя.

— Нет. Это я едва не лопаюсь от желания завладеть тобой, но еще рано. Пойдем.

Он поднялся, морщась от боли в паху.

— Сойдем вниз и позавтракаем.

— Я...

— Нет, ты не оденешься. Сядешь за стол в таком виде, — неумолимо продолжал он, открывая дверь.

— Если кто-то увидит меня... — запротестовала она.

— Придется ему сдерживать свою похоть, только и всего.

— Но каким образом, если даже ты не в силах этого добиться?

Корт взглянул на свой пульсирующий отросток.

— Чуть. Временное помрачение. Пройдет.

Не прошло. И все то время, что они завтракали, во рту у него пересыхало каждый раз, когда она уст ремляла на него многозначительный взгляд, давая понять, что догадывается о его

состоянии. Но и ее соски словно расцветали под его пылающими взорами, а лоно увлажнялось каждый раз при мысли о том, что он может с ней сделать.

Корт, со своей стороны, тоже знал, что с ней творится. Недаром заставил ее сидеть с расставленными ногами. И сознание собственной наготы, его безумного вожделения, ощущение несвободы, трение кожаных ремешков, жадный блеск глаз Корта кружили голову, заставляя терять рассудок.

Но именно это сейчас ни к чему. Не хватало еще покорно склонить перед ним голову! Он не нужен ей. Пусть возьмет ее, узаконив их брак, и на этом все будет кончено.

Но как добиться этого, если она из кожи вон лезет, но ничего не выходит? Он просто отказывается взять ее девственность.

Как заставить Корта сдаться?

Очевидно, власть плотских инстинктов — это еще не все. Он не из тех, кто идет на поводу у собственной чувственности.

Насколько она знает мужчин и их порывы, Корт должен был поддаться ее чарам в тот момент, как сорвал это проклятое покрывало.

Но ведь Корт из тех мужчин, которым женщины бросаются на шею, так что совершенно непонятно, почему она стала частью сделки. Он спокойно мог бы ограничиться плантацией.

Очевидно, она не слишком его привлекает.

Только вот его пульсирующая плоть противоречит всем его уверткам, поскольку он находится в постоянном возбуждении с той минуты, как вошел в спальню.

И он постоянно упоминает о Жераре.

Дрю едва не закричала. Жерар никогда не принудил бы ее вытворять всяческие гадости. Он ласкал бы ее, целовал и дождался бы, пока она не согласится принадлежать ему. Никогда он не унизил бы Дрю подобным образом!

Она так задумалась, что испуганно вздрогнула, когда Корт дернул ее за руку.

— Значит, — злобно прошипел он, — лань мечтает о кролике, несмотря на то что к ее услугам жеребец! Ах, моя дорогая жена, ты не представляешь, какое удовольствие доставит мне стереть из твоей памяти эту мразь!

— Мне все равно! — бросила она. — Мне все равно... он джентльмен и никогда бы...

— А я, значит, грубое животное?! Я впервые коснулся тебя в гневе, Дрю, и ты узнаешь всю силу моей ярости. Попробуй еще размышлять об этом ничтожестве, и я приволоку его сюда и покажу, как ты, голая, пресмыкаешься передо мной в ошейнике рабыни. Потому что, клянусь Богом, ты станешь валяться у меня в ногах и просить, чтобы я воткнул в тебя свой член!

Его трясло от бешенства. Чисто мужская ревность застилала глаза багровой пеленой.

— Эви! Луиза! Отведите ее наверх и приготовьте.

Откуда-то, как по волшебству, возникли обе служанки и потащили сопротивляющуюся Дрю по

лестнице. Корт проводил взглядом ее трясущиеся, словно в эротическом танце, ягодицы и даже не пытался сдержать взрыв обезумевшей плоти.

Но освобождение пришло ненадолго. Еще несколько минут, и мучительное желание снова овладеет им при одной мысли о том, что голая госпожа Уайлдвуда ждет его в спальне, связанная, лежащая на постели и бессильная перед его вздрагивающим, пульсирующим копьём.

Два дня. Всего два дня. Маленькая лань оказалась способной ученицей. В продолжение завтрака она не смогла отвести глаз от его все утолщавшейся плоти. Жаль, правда, что потом она все испортила, но некоторые вещи слишком тяжело даются неопытным девушкам.

Он встал на колени перед стулом, на котором сидела она, бесстыдно выставляя себя напоказ, и жадно вдохнул запах, идущий от небольшого влажного пятна на том месте где из нее излился любовный нектар. Тело Корта напряглось. Всего минута ушла на то, чтобы сбросить брюки, прижаться чреслами к пятну и смешать ее сок со своим.

Недостаточно. Недостаточно.

Он хочет получить все.

Корт стал медленно взбираться по ступенькам, наслаждаясь утренней свежестью и бурлившим в крови жаром. Никогда раньше он не желал женщину с такой силой. Он не мог дожидаться, когда снова увидит ее в этом ошейнике и ремнях... ноги расставлены в безмолвном призыве... для него. Для него одного.

О да. И когда он уверится, что она хочет его, только его, тогда...

За дверью, словно маленький стражник, стояла Эви.

— Все готово, — предупредила она.

Тогда...

Корт потянул за ручку. Дрю злобно оскалилась.

— Ты, грязное животное!

Она лежала на животе. Ягодицы слегка приподняты. Руки привязаны к кроватным столбикам. Не столь уж неудобная поза, особенно еще и потому, что теперь она ясно видит его плоский живот и дорожку из волос, исчезающую под поясом брюк.

Рвущийся из плена брюк пенис покачивался всего в нескольких дюймах от ее губ.

Намеренно! Он сделал это намеренно! Интересно, что . он сделает, если она возьмет его в рот прямо сквозь ткань и станет сосать?

Она сердито отвернулась. Она не позволит обольстить себя каким-то отростком, пусть и огромным, и отказом мужа исполнить супружеский долг!

Ах, если бы только он отказался от нее, она осталась бы верна Жерару до конца жизни!

Но тут она почувствовала, как что-то медленно раздвигает складки ее лона.

— Что это?! Что ты делаешь?

— Даю тебе то, что ты хочешь, ведьма! То, что заполнит твои зияющие пустоты.

Идеально! Она лежит беспомощная, открытая его ласкам.

Он уселся рядом с ее извивающейся попкой и, опершись на локоть принялся ласкать истекающие влагой складки.

Она попыталась увернуться, но он не отступал, входя все глубже, и, когда она налегла всем телом на его руку, проник в нее тремя пальцами, так глубоко, что ощутил тонкий барьер, свидетельство ее невинности.

Девушка взвизгнула, когда *что-то* вторглось в ее самое сокровенное место. Жестко. Уверенно. Словно так и нужно.

— Ты... ублюдок, — простонала она, пытаясь оттолкнуть его.

— А кто ты, моя голенькая жена, страдающая по другому мужчине? Большого от меня ты не получишь, пока не выда-вишь его из сердца!

Он слегка повернул руку, и Дрю дернулась, словно пораженная громом.

— Убирайся! — прошипела она, пытаясь бороться с неизведанными доселе ощущениями, которые возбуждали в ней его пальцы. — Ты омерзителен!

— Я человек, жена которого рада бы наставить ему рога с соперником, — бросил он, — и за это получит лишь...

Его пальцы снова зашевелились, доставая до самой ее сердцевины, и она охнула от боли.

— ...и это, — прошипел он.

Безжалостно-резкое движение, и она потрясение охнула, не в силах пошевелиться, чувствуя себя полностью парализованной. Невероятно! Неслыханно! Ужасно!

Он тоже словно застыл. И молчал. Только время от времени сгибал пальцы, чтобы напомнить ей, кто тут хозяин. Кто владеет ею, готовый прорвать преграду ее девственности, управлять чувствами.

Она не понимала, что почти неуловимо вращает бедрами, стараясь втянуть его глубже, усилить наслаждение, хотя он никак не мог проникнуть дальше.

И не знал, как долго выдержит эту пытку, сколько еще она будет биться, насаженная на его пальцы, как бабочка на иглу. А вид ее ягодиц, перекрещенных ремешками, доводил до умопомрачения.

— Урок третий, жена, — прошептал он. — Только мужской пенис может по-настоящему владеть тобой. Чего ты хочешь больше? Воспоминаний? Жалкой подмены? — Он пошевелил пальцами. — Или своего хозяина? Подумай, Дрю, каково это — быть наполненной до конца и по-настоящему стать моей женой.

Никогда, никогда, никогда, никогда...

Он неспешно отнял руку, и Дрю мгновенно обмякла. Нет, нет... она не ожидала такой... пустоты. Только не это.

Она повернула голову.

Бугрящиеся брюки яснее всяких слов сказали, какое удовольствие ожидает ее, когда она добровольно отдастся ему.

Если бы только поскорее покончить с этим...

Он ясно прочел в ее глазах невольное восхищение его мужской силой и упорный отказ смириться. Он разъяренно сжал кулаки.

Раз так, пусть она лежит тут. Пусть подумает о том, что чувствовала. Какие ощущения пробудили в ней его ласки. И что она получит, если по доброй воле придет к нему.

Но больше ему этого не вынести.

Тяжело дыша, он прислонился к двери, мокрый от пота и бесплодных усилий усмирить свою похоть. Еще минута, и он взорвался бы, залив своим семенем ее голые ягодицы.

Ему вдруг стали безразличны все уроки, ее любовь к Жерару Ленуару и сам Ленуар. Все, что имело значение в эту минуту, — слепящее наслаждение разрядки, высвобождения, погружения в ее жаркое, тугое, предательское тело. Но тут он представил ее твердые колкие соски. Неужели Жерар видел их? Касался? Нет. Лучше не думать об этом.

Все эротические игры, затеянные им, еще не доказывали, что она не отдавалась ласкам Ленуара. И если он обнаружит, что тот притрагивался к ней... Дрю Каледон навеки останется девственницей.

Но, к сожалению, придется отдать ей одежду.

Глава 5

Значит... эта хитрая ведьма всячески издевается над ним, воображая, что это любовничек объезжает ее... Сколько еще придется ему вынести?!

Даже он не знает пределов собственного самоконтроля или своей страсти. Но все равно, какие хитрости ни пускала бы она в ход, он не поддастся искушению взять ее... пока не будет к этому готов.

Однако это решение требовало стойкости и терпения святого.

Он лежал на кровати в спальне, смежной с комнатой Дрю, и лениво наблюдал, как при мысли о ней его плоть восстает все сильнее.

По-прежнему девственна. Круглозадая, длинноногая, жаркая, влажная, «приди-возьми-меня» девственница. Единственное утешение.

А ты сходишь с ума от желания погрузиться в ее горячий колодец.

Стоит ли? Стоит ли овладеть ею, как она того просит?

Почему нет?

Почему нет?

Зовущая расщелина между ее разведенными бедрами поглощает... засасывает его... ноги обхватывают талию... он чуть отстраняется и делает первый выпад, разрывая ее девственность, изливаясь в нежный, мягкий бархат лона...

Корт со свистом втянул в себя воздух, умирая от желания добраться до нее, ворваться в ее тело, как в покоренный город...

Она ждет обнаженная, готовая к бешеной схватке... подумать только, как его пальцы заставили ее извиваться... она не могла насытиться... Господи... окунуться в эту сладость...

Дьявол...

В соседней комнате ждет готовая на все женщина, а он распустил слюни, вместо того чтобы пойти и оседлать ее! Идиот!

Но в этом безумии есть своя логика. Есть. Только в это мгновение, когда его плоть дрожала и наливалась кровью, он никак не мог вспомнить, в чем эта логика состоит.

Он дал ей полчаса, прежде чем явиться. Дрю лежала в той же позе, на животе. Глаза закрыты, губы сжаты.

Поэтому он и понял, что она не спит.

— Что еще? — презрительно пробормотала Дрго. Его плоть снова взбунтовалась. Вид ее покорного роскошного тела возбудил его еще больше.

— Что же, моя лань, ты наконец ощутила, что это такое — ласки настоящего мужчины. Думаю, пора и мне попробовать тебя на вкус.

— Нет! — отчаянно вскрикнула она. — Нет! Нет!

— Как?! Моя жена, которая ни в чем мне не отказывает? — вкрадчиво осведомился он. Железная рука в шелковой перчатке...

— Я не вынесу этого, Корт, — призналась и, растерявшись, смолкла.

Как? Она уже молит о милосердии? Может, и так, ибо в роли палача выступает именно он. Не она. Ах, если бы только он исполнил свой супружеский долг... они могли бы покончить с играми и вести каждый свою жизнь.

Она могла бы заставить его сделать это, могла...

— Что ты делаешь?! — взвизгнула Дрю, когда он поднял ее себе на колени и стал втирать что-то в раскрывшиеся створки ее лона.

— Готовлю себе угощение, моя лань. Дрю застонала.

О Господи, его пальцы, массирующие ее расщелину чем-то густым и липким... она не выдержит!

— Вижу, тебе это нравится, — пробормотал он. Дрю отозвалась гортанным глухим возгласом.

— Ничего мне не нравится, — выдавила она, но предательская плоть судорожно стиснула его пальцы.

— Значит, еще понравится.

Нет, это ему нравились судороги, сотрясающие ее лоно, покрытое слоем меда.

— Что ты делаешь? — снова охнула она.

— Сдабриваю лакомство медом, моя лань. Нужно подсластить блюдо, прежде чем пробовать.

О Боже, Более, Боже...

Она дергала путы, билась, брыкалась, но куда было деваться от настойчивых касаний его неумолимых пальцев!

Постарайся вынести это... пусть делает что хочет, лишь бы поскорее...

Но зачем лицемерить? Ведь она не просто терпит, а чуть ли не заигрывает с ним вопреки той ненависти, которую испытывает к этому человеку.

И себя она тоже ненавидит. Свое обнаженное тело...

— Ах-х-х, — простонал он, — а сейчас...

— А сейчас? — боязливо прошептала она.

— ...Остается попробовать мой десерт. И она ничего не в силах поделаться. Если раньше он удерживал ее, то теперь, отпустив, ловко поставил на колени.

— Сейчас, — выдохнул он, наклоняясь над ней. И взял одним выпадом неумолимого языка, проникшего в ее воспаленное лоно.

Он поглотит ее!

Она сопротивлялась, умоляла, заклинала и все же не могла увернуться от его неустанных ласк и твердой решимости слизать и высосать весь мед до последней капли.

Ее тело выгибалось, она дергала за ремешки, натянутые, подчеркивающие красоту ее женской плоти, позволявшие проникнуть в каждый уголок и складку розовой раковинки. Он словно задался целью довести ее до иступления.

Наслаждение, которое испытывала Дрю, было так велико, так ослепительно-огромно, что она, казалось, тает, растворяется в нем.

Он взял все, что хотел, и она не сумела остановить его, пока он купался в ощущении своей власти над ней, которое давали ему жадные, чувственные поцелуи.

Она и не подозревала, что на свете существуют столь развратные эротические ласки. Похоже, Корт вообразил, что этим пробудит в ней желание к нему.

Но у него ничего не получится. Правда, она, вероятно, со временем приучится мечтать о тех невыразимых ощущениях, которые он будил в ней. И раздвигать ноги, когда бы он этого ни потребовал. Научится быть лучшей шлюхой и женой во всем приходе Сент-Фобонн.

Но хотеть его? Любить? Нет. Никогда.

Никогда...

Она напряглась и затрепетала, когда язык коснулся средоточия безмерного удовольствия.

Ни за что...

Что он творит? Что творит?

Она дернулась, едва он дотронулся до некоего тайного священного местечка, о существовании которого она не подозревала.

...Ни когда...

...и она скользнула в темную жаркую пропасть и окунулась с головой в серебряный водопад, рассыпавшийся по телу блестящими капельками.

...Созрела... готова... и все же сопротивляется...

Он крепко вцепился ей в бедра, жадно впитывая каждый оттенок ее ощущений, прежде чем позволил Дрю отстраниться.

И она тут же отпрянула, словно не могла дождаться, пока избавится от него. Что тут еще можно сказать?

Что он не насытился?

Ничуть.

Что это было ее первое знакомство с плотскими наслаждениями?

Вероятно.

Что теперь она предложит себя добровольно?

Вряд ли.

Корт презрительно фыркнул и отодвинулся от соблазнительного тела, чтобы не поддаться соблазну врезаться в него.

Она рядом, к его услугам, и ягодички приподняты именно так, чтобы принять его взбесившуюся плоть.

Все, что он должен...

Все, что ему нужно...

— Возьми меня, — прошептала она, вопреки всему надеясь на скорое освобождение. Видя его мучительную нерешительность. Озирая готовое к бою оружие.

— Не стоит, моя лань. Думаю, я сыт твоим вкусом и запахом до завтрашнего дня, — пробормотал он, сжимая кулаки, чтобы не впиться ногтями в ее округлые ягодички. Он принудил себя слезть с кровати. — Какое приятное зрелище, моя лань... видеть, как отзвуки

минувшего блаженства преображают твое лицо.

— Так это было блаженство? — с нескрываемым сарказмом пробормотала Дрю.

— Ясно, — глухо бросил Корт, сходя с ума при мысли о том, что она могла уже испытать нечто подобное в руках Лемуара... что именно француз был наставником Дрю во всех земных восторгах... если не считать самого главного. Да, до главного они не добрались, ведь Корт, пьянея от счастья, уже обнаружил, что она девственница.

Следовательно, ей есть чему поучиться... да и ему тоже, теперь это понятно. Мужчина ничего не должен принимать как должное, особенно если его пенис ноет и требует разрядки. В таком состоянии этим самым мужчиной управляют отнюдь не мозги, а кое-что пониже.

— Что же тебе ясно? — насторожилась она, услышав недовольство в голосе мужа. А это означало, что неизбежное снова откладывается.

Дрю вздрогнула. Ну почему, почему она дразнит его? Она и сама не знала. Ведь достаточно простой покорности, чтобы дать ему все, чего он добивается. Любая актриса способна на это.

Или шлюха.

Даже она, в своей невинности...

У Дрю перехватило дыхание.

Но я уже не столь невинна.

Я познала наслаждение.

Изведала плотские запретные поцелуи.

Поняла, какой пожар может полыхать между бедер.

Какую силу имеет женская нагота.

Не столь невинна...

Ей казалось, он читает ее мысли по глазам.

— И что ты видишь? — с деланным равнодушием осведомилась Дрю.

— Испуганную лань, — мягко пояснил он. — Лань, пытающуюся спрятаться от судьбы.

Дрю охнула. Сколько еще она может испытывать его на прочность? Может, попробовать и дальше...

— А ты — человек, отрицающий собственные чувства! Неужели лучше ходить целыми днями с этой штукой, лезущей из брюк, чем воткнуть ее в меня? Значит, ты либо трус или не хочешь меня по какой-то причине, » либо тоже отдал сердце кому-то другому...

Она осеклась при виде его лица. Проговорилась. Господи, неужели у нее язык повернулся? Да что это с ней?

У Корта внутри все словно в лед обратилось.

Сучка! Кто бы мог подумать, что у лани такие острые зубки? Проклятая шлюха, ведьма, сука...

...как он мечтает показать ей! Навалиться сверху и вставить ей! Обработать, чтобы она заткнула свой поганый рот! Заломить ноги и поиметь так, чтобы конец, вылез у нее из глотки и она захлебнулась его семенем!

Но... но...

Он хотел видеть ее покорной. Захлебывающейся от желания. Ползущей у его ног. Молящей о том, что он единственный способен ей дать.

И пока этого не произойдет, пусть она хоть на стену лезет. Он не поддастся. И удержит в узде свой неукротимый пенис. Она никогда не узнает, чего стоит ему такая выдержка.

Тело предало ее. И ночью, ворочаясь без сна, она то и дело тянулась к призрачному любовнику, подарившему такое блаженство.

К нему?

Никогда...

Как ей простить его за то, что он сделал?

Сделал? Сделал? Но он не поймет, что ей нужно. Скажет, что был терпелив с ней. Не насиловал, ни к чему не принуждал. Дал ей наслаждение. Так что же он такого сделал?

Она застонала и в который раз перекатилась на другой бок. Сколько бы она ни перечисляла его преступления, все равно никто не поверит. И не поймет.

Никто, кроме Жерара.

Девушка всхлипнула. Бедный дорогой Жерар! Знай он, что зверь держит ее взаперти, голой, связанной, в рабском ошейнике, заставляет раздвигать ноги, показывать интимные места, слизывает мед с ее лона, побуждая Дрю извиваться в экстазе... что бы он сказал? Что?

И как это выглядит?

Безумием.

Какой она покажется в глазах окружающих?

Неблагодарной.

Господи, ЧТО?! Неблагодарной?!

Дрю вскочила, задыхаясь от влажной жары. Тело было покрыто мелкими капельками пота. Действительно ли так тепло или всему виной ее желания, фантазии, мечты?

Она не желала знать. Не желала думать об этом. Ошейник, ремни и петли неприятно раздражали кожу. Очевидно, цель Корта достигнута: Дрю постоянно помнит, кто ее хозяин и кому она обязана.

Девушка свесила ноги с кровати и посмотрела в окно, на озаренное лунным светом небо.

Можно выпрыгнуть из окна и навсегда покончить с обязательствами.

Неблагодарная...

Дрю обхватила себя руками. Жара просто удушающая! И окна закрыты, если не считать фрамуги между ванной и коридором.

Настолько он ей не доверяет!

Да она и сама себе не слишком верит!

Неблагодарная... ведь он одарил ее блаженством и связал, как рождественскую индейку... о нет, никакое наслаждение не может перевесить ее стыда.

Она не позволит себя унижать. Что бы там ни говорили. Как бы это ни выглядело.

Ах, если бы только он взял ее! Пришел сейчас и покончил со всем...

Ему больше этого не вынести. А может, он и вынес бы, если бы нашел покорное, готовое на все тело, дающее временное облегчение. Временное. Пока его спесивая жена не опомнится.

Но доступных женщин на всем протяжении от Сент-Фо-бонна до Нового Орлеана полным-полно: кокетливых, лакомых кусочков, никогда не стеснявшихся взвесить на руке мужское достоинство, чтобы определить, стоит ли товар цены.

Он мог бы довольствоваться этим. Небольшое развлечение, быстрое извержение, чтобы облегчить боль и тоску. Монета, поцелуй, и он уже за дверью, и никто не обижен.

Но ни у кого нет таких сосков, такой соблазнительной наготы, такого пряного, терпкого вкуса...

Ни у кого...

Черт!

Он так изголодался по ней, что готов съесть на завтрак.

А может, и нет... нельзя расслабляться ни на минуту. Особенно когда увидишь выражение ее лица.

Дрю как раз входила в комнату в сопровождении Эви.

— Садись! — скомандовал он, показывая на мягкую банкетку. — Верхом. Эви, принеси маленький столик и заставь ее поесть.

— А кофе, хозяин?

— Да, спасибо. Постой тут немного.

— Я не голодна, — буркнула Дрю. — И немедленно снимите этот чертов ошейник.

— Ешь, маленькая лань. Тебе понадобятся силы.

— Откройте окно, принесите мне веер и одежду, — раздраженно потребовала Дрю.

— Ничему ее не научишь, — пробормотал Корт, намазывая бисквит маслом и джемом. — Что же, мне тоже нужно поддерживать силы, маленькая лань. Ты убиваешь меня своим упрямством.

— Надеюсь скоро остаться вдовой, — прошипела она.

— Но, как видишь, до этого еще далеко.

Она видела. Его плоть ожила в тот момент, когда она показалась в дверях. И продолжала увеличиваться с каждой секундой.

Поразительно...

Она впилась в бисквит с такой яростью, что Корт вздрогнул.

Интересно...

Он прихлебывал кофе, притворяясь, будто ничего не замечает.

Со стороны они вполне могли бы походить на обычную супружескую пару, если бы не ее нагота и широкой ошейник. Да и поза... Дрю сидела, широко расставив ноги, а муж неумолимо пожирал ее взглядом.

— Эви!

— Что угодно хозяину?

— Руки!

— Что? — охнула Дрю. Она все еще держала чашку и бисквит, но Эви, не обращая ни на что внимания, схватила ее запястья, и чашка полетела на пол. Эви завернула хозяйке руки за спину и связала атласной лентой.

— Спасибо, Эви.

Он проводил взглядом служанку и, как только дверь закрылась, повернулся к Дрю.

— Да... превосходно.

Именно такой он и хотел ее видеть? Тело выгнулось, а груди выпирают. И Дрю отчаянно упирается в скамью связанными руками, стараясь сохранить равновесие, а ноги расставлены именно так, как ему нравится. Превосходно. Превосходно еще и потому, что соски сжались и отвердели от подавляемого возбуждения, а глаза горят одновременно любопытством и яростью.

Может, она уже знает, что ей предстоит.

А может, и нет.

Он жаждет впиться зубами в эти соски.

Он жаждет ее.

Корт сунул пальцы в горшочек с джемом, прижал их к ее соску и стал обводить, сильно нажимая на крошечную изюминку.

Дрю отстранилась.

— О нет, маленькая лань. Все будет по-моему. Я мечтал об этом всю ночь. Представляешь, я грежу о том, что стану слизывать джем с твоих сосков. Да не дергайся же!

Он вскочил и, оседлав скамью позади Дрю, одной рукой прижал ее к горячей мускулистой груди, а другую вновь протянул к горшочку.

Как остановить его?!

Но он уже покрывал ее соски мягким липким джемом.

Она может действовать руками. Схватить этот длинный стержень, трущийся о ее ягодицы. Стиснуть его... ущипнуть... или...

Она невольно застонала, потрясенная волшебством, которое он творил с ее грудями.

Этого не должно было случиться... не должно... она не желает ощущать прикосновений этих пальцев, тербящих, ласкающих, сжимающих соски, прикосновений, воспаляющих ее, снова вызывающих к жизни пережитое вчера бурное наслаждение... но что она может поделать?

Ее тело, проклятое ненасытное тело, извивается в восторженном упоении, требуя все более откровенных ласк.

Голова Дрю бессильно склонилась на плечо.

— Нет, нет, нет, — повторяла она.

— Да, да, да, — смеялся он, подвергая ее сладостной пытке.

— Не могу, не могу, не могу...

— Можешь.

— Не хочу...

— Хочешь...

— О, Корт, Корт, не надо... Но жаркое наслаждение уже прострелило ее насквозь, от сосков до жаждущего лона.

— Да, — прошептал он, — не противься, отдайся мне, отдайся, пусть будет все...

— Не-е-ет, — выдохнула она, принимаясь тереться бедрами о скамью. — Не-е-е-т...

Но неустанные пальцы продолжали перекачивать ее соски, пока она не потеряла голову. Она стала бесстыдно вращать телом, все сильнее сжимая его плоть и тихо хныча, пока наконец расплавленная лава не прокатилась по жилам, сосредоточилась между ног и взорвалась в пожаре ее бесславной капитуляции.

— Нет, — прошептала она в последний раз, стискивая его твердый отросток. Но было уже слишком поздно. Для нее. И для него.

Он излился прямо в брюки, боясь, что умрет от наслаждения.

Всего несколько минут, показавшихся им часами, ушло на то, чтобы обрести некое подобие душевного равновесия. Немного придя в себя, он осторожно развязал узел, стянувший ее запястья, и медленно, нерешительно притянул Дрю к себе.

Она сжалась, попыталась отстраниться, такая же сбитая с толку и ошеломленная, как и он. Корт был в этом уверен. Пора окончательно приручить маленькую лань. Он может подождать... и скоро она осторожно, робко позволила окружить себя теплом и нежностью.

Солнце склонилось к закату. Корт отослал Дрю наверх понежиться в ванне. Перед этим он велел Эви расстегнуть ошейник и приложился губами к истертой коже.

Ему понравилось, как она трепещет от его касаний. Все в ней возбуждало его, и теперь, когда Дрю сдалась на милость мужа, он был готов согласиться на ее требования.

Ванна. Горничная, чтобы обмахивать ее опахалом. И никакого ошейника.

Она, похоже, поняла, что скоро он ею овладеет.

И, еще охваченная незабытым блаженством, не могла думать ни о ком, кроме *него*.

Она заставляла его кровь кипеть в жилах. Она властвовала над его мыслями. Доводила до безумия.

Господь Всемогущий, он не может без нее... он так и не впился губами в ее соски. Сегодня ночью... Сегодня.

Кончилось ожидание. Конец боли и мукам. Он устал от желания завладеть тем, что ему принадлежало. Устал бороться с собой. Устал от битвы за ее тело.

Сегодня ночью.

Его плоть распрямилась, как пружина, но он безжалостно подавил все стремления.

Мужчина не должен исторгать свое семя зря, когда у него есть такая женщина, как Дрю. Способная удовлетворить все его нужды. Он собирался держать ее привязанной к кровати неделю, месяц, год... обнаженную, молящую о ласках.

Сегодня ночью...

Наконец-то он твердо определил, когда это случится. Когда он даст ей то, чего она хочет. И, как всегда, предвкушение обостряет любовные игры.

У них так много времени впереди... И он не станет торопиться, когда окончательно овладеет ею и возьмет девственность. Ах, как сладостен этот миг полного обладания, когда все преграды падут и она примет его в себя. Примет до конца.

Корт с шумом выдохнул воздух. Чресла опять заломило. О, с какой силой он стремится к ней!

Ни один мужчина не должен попадать в такую зависимость от женщины.

Дьявол, да ведь он не любит ее, только хочет подмять под себя, голую, извивающуюся...

— Хозяин...

Требующую еще и еще...

— Хозяин Корт...

Настойчивый визгливый голос, никак не дающий погрузиться в фантазии...

— Что тебе, Эви?

— У меня кое-что... вам, наверное, интересно будет увидеть.

— Заходи, — проворчал он, выпрямляясь. — Ну, что тебе? Эви протянула конверт.

— Какой-то парень отдал это Луизе, а она пришла ко мне.

— Понятно.

Он задумчиво повертел конверт. Адреса нет.

— А кому должна передать это Луиза?

— Хозяйке.

Каждое ее слово падало холодным камешком.

— Спасибо, Эви. Можешь идти.

Он подождал, пока служанка выйдет. И долго не мог заставить себя распечатать письмо, словно пытаясь угадать его содержание сквозь белую бумагу.

Три дня... не прошло и недели, как в доме поселилась измена... а она... она...

Корт медленно поднялся, вошел в кабинет и захлопнул дверь. И только тогда осторожно разрезал конверт и вынул листок бумаги, уже понимая, что там написано.

Он должен прочесть. Пусть и воображал, что ему все уже известно.

«Моя дражайшая любимая кошечка!

Больше я этого не вынесу. Сознание того, что три дня ты провела в объятиях этого чудовища, едва не свело меня с ума от гнева и ярости. Мы должны найти выход. Ты не должна принадлежать ему. Не должна.

Помнишь наши клятвы друг другу? Обещания? На свете есть много мест, где мы могли бы жить. Ты не обязана оставаться с ним. Приезжай. Жизнью клянусь, твой отец не пострадает. Если именно из-за него ты согласилась на этот фарс, именуемый свадьбой, поверь, Саммервил не причинит ему зла.

Оставь его. Выходи за меня, как мы планировали с самого начала. Ни минуты не оставайся в этом проклятом доме. Скажи, что у меня все еще есть надежда владеть тобой, моя дорогая любовь. Скажи, что не забыла все, что было между нами. Все, чем мы были друг для друга.

Та, кто отдаст это письмо, обещала быть посредницей между нами. Пожалуйста, прошу тебя,

ответь на мои мольбы, дай мне надежду! Пошли своему возлюбленному единственный ответ, который откроет врата рая. Для него и для тебя.

Твой возлюбленный Жерар».

Корт перечитал письмо несколько раз. Фразы били по глазам.

«Скажи, что не забыла все, что было между нами... Все, чем мы были друг для друга... Пошли своему возлюбленному...»

Корт едва удерживался, чтобы не перебить все, что было в комнате стеклянного. Но нужно воздать ему должное, он не пошевелился. Сидел неподвижно, как статуя, перебирая в памяти убийственные слова.

...все, что было между нами...

...все, чем мы были друг для друга...

...пошли своему возлюбленному...

Лживый ублюдок! Доказательства невинности Дрю неопровержимы! Ленуар никогда не был ее любовником!

В эту минуту он был готов на все. Даже на убийство. Ничего, он еще прочит сукина сына, чтобы впредь держал свои грязные лапы подальше от его жены!

Но Корт не мог забыть эту фразу — *...все, что было между нами...*

Он должен знать! Но не хотел знать. И желал только прикончить Ленуара, чтобы навсегда стереть из ее памяти все, что было между ними.

Для этого существует только один способ: объезжать ее до тех пор, пока она не потеряет сознание, с тем чтобы, очнувшись, она помнила только одно: его в себе.

Он никогда, никогда не расстанется с ней. Его собственность принадлежит ему навсегда. Но он должен знать.

Именно поэтому и возьмет ее, чтобы она не забывала, кому принадлежит. Сегодня ее ждет испытание.

Но как он поступит, если проиграет?

Глава 6

Она лежала на постели, отдыхая после ванны. Наслаждаясь свободой от проклятого ошейника и кожаной сбруи. Эви хлопотала где-то в доме, и тишину нарушало только тихое шуршание опахала из пальмовых листьев, которым размахивала дочь Эви.

Дрю не хотелось ни думать, ни чувствовать... она стремилась изгнать из головы все тревожные мысли, не желая вновь переживать то иступленное наслаждение, которое он заставил ее испытать. Но кожа по-прежнему горела в тех местах, где ее натерли ремешки и ошейник.

Как странно, что она получала удовольствие от подобных вещей, предназначенных выставить напоказ ее стыд... лишь для того, чтобы возбудить Корта.

Только ли Корта?

Может, и ей втайне нравилось, как ремешки приподнимают ее груди и обрамляют венерин холм?

Нет, как можно? В конце концов, это не обычные любовные игры, он стремится показать свое господство над ней, заставить понять, что она для него не кто иной, как жалкая невольница.

Так откуда это непонятное ощущение того, что и она имеет над ним власть?

Потому что стоит ему увидеть ее, как его плоть восстает и набухает. Значит, она ему небезразлична? Даже если это просто означает, что ему не терпится совокупиться с ней, так или иначе он хочет ее. Ее тело. Ее лоно. Ее сердце. Но в таком случае почему отказывается ее взять? И это самое непонятное. Легче всего было бы овладеть ею. Он делает все, чтобы ублажить ее. Почему же сдерживается сам?

Власть. Опять власть. Все, чтобы укротить ее. Но разве она уже не покорилась? У нее нет сил сопротивляться. Нет сил остановить его. Корт владеет ею. Но при этом ни к чему не принуждал.

Всего лишь уничтожил ее решимость и покончил с ее стойкостью.

Заставил забыть Жерара и алкать лихорадочного, исступленного наслаждения.

Власть. Он хочет подавить ее, дав то, чего она желает.

Но что заставит его потерять контроль над собой?

Не правда ли, какая заманчивая мысль! Корт Саммервил в когтях безумной страсти. Корт, беспомощный, в ее объятиях...

Она невольно выгнулась, отдаваясь нахлынувшему наслаждению.

Нет! НЕТ!

О чем она только думает? Между ней и Кортом ничего быть не может. Он женился на ней, чтобы продолжить династию, ни больше и ни меньше.

Почему она об этом забывает? Почему позволяет играть с собой, как кошке с мышью?

Контроль. Власть.

Власть. Контроль.

Ей необходима хотя бы частичная власть.

Дрю повернулась на живот.

Назад. Назад к играм.

КАК заставить его сдаться ей?

Дрю снова легла на спину: грубая ткань перины раздражала соски.

Как добиться капитуляции Корта Саммервила?

— Хозяйка, — тихо позвала от двери Эви. Дрю приподнялась на локтях.

— Уже поздно. Вы, наверное, не заметили. Хозяин посылает вам это, велит надеть и прийти к нему. Служанка протянула фарфоровую шкатулку. Дрю нерешительно взяла изящный ящичек. Опять игры! Закусив губы, она подняла оправленную в золото крышку. Внутри оказались два тончайших золотых обруча, с которых свисали крошечные овальные петельки.

Она подняла глаза на Эви, но лицо служанки оставалось бесстрастным.

— Хозяин приказал надеть его подарок, — повторила она.

— Пусть сам наденет его на меня, — пробормотала Дрю» захлопывая крышку. Руки задрожали при одной мысли о том, где должен красоваться его дар.

— Я помогу, — объявила Эви, шагнув к ней. Дрю отпрянула.

— Нет!

— Вы должны, — непререкаемо отрезала служанка. Что остается делать Эви? Она тоже всецело зависит от Корта.

Дрю взглянула на свои груди: тугие соски словно молили о подарке Корта. Открыв крышку, она вынула обруч и продела сквозь него упругую вершинку правой груди. На миг перехватило дыхание... а потом... обруч оказался таким легким, что она ничего не чувствовала. Но возбуждало само сознание того, что он здесь, блестящий, притягивающий, волнующий... ее тело, воображение, совсем как намеревался Корт, черт бы его побрал! А соски снова напряглись и набухли в обрамлении золотого овала...

— Да, — кивнула Эви. — Хозяйка просто красавица. Совсем как желал хозяин. Идемте.

Дрю свесила ноги с постели. Она никуда не хотела идти, но Эви ждала. И Корт тоже.

Она распрямила плечи, гордо вскинула голову и последовала за Эви, стараясь удержать на месте золотые обручи. Петельки тихо позванивали при ходьбе, и сияние свечей отражалось в блестящих кольцах. Похоже, эти обручи привязали ее куда надежнее рабского ошейника.

На какое-то головокружительное мгновение ей захотелось метнуться вниз, к свободе. Даже без одежды. Но тут Дрю заметила в тени Луизу, молчаливую, выжидающую, верного стража в этом доме, полном чувственных тайн.

Повсюду охрана.

Дрю необходима власть...

Эви постучала в дверь смежной спальни.

— Войдите.

Голос звучал хрипло, так хрипло, словно он был не в силах сдержаться при мысли о ней, обряженной в его дар.

Прекрасно.

Значит, она выиграла.

Власть. Контроль.

Пойдем...

— Не двигайся, — выдавил он.

Дверь за ней закрылась. Вездесущая Эви предоставила Дрю ее судьбе.

Темный горящий взгляд Корта словно излучал нестерпимый жар. Он и сам горел в этом огне, а часть его тела, как всегда прикрытая брюками, уже набухла и поднялась.

Дрю не могла оторвать от него взгляда. Корт излучал почти животный запах и яростное мужское желание. Он собирается взять ее сегодня. Никаких игр. Никаких отказов. По какой-то причине он так решил и дал это понять, послав ей подарок.

И если она не поняла это сразу, то все стало ясно, когда она переступила порог спальни. С потолка свисало устройство, предназначенное для того, чтобы отдать ее на милость беспощадным ласкам Корта.

Никаких любезностей. Нежностей. Цветистых слов.

Только нечто вроде сбруи, прикрепленной к железному стержню: две мягкие кожаные петли с подкладкой, соединенные узким ремешком, предназначенным для того, чтобы поддерживать попку, как только она проденет ноги в петли и предстанет перед ним, беспомощная, готовая ко всему, что он приготовил для нее.

Словно он продолжал школить ее...

Словно она молит его...

Но не так... не так...

И все же сама мысль о подобной позе, соблазнительной, беспомощной, неотразимо привлекала. Может, само провидение подсказывает ей способ получить власть. Если она наденет это устройство, выставит себя напоказ и позволит ему пронзить себя, тем самым вынудит его молить о ласках.

И он ни в чем ей не откажет.

Как не сможет отказать и себе.

Власть.

Именно!

Она выпрямилась. Любая женщина готова на все ради власти.

Голодные глаза Корта не отрывались от обручей с изящными подвесками.

Прекрасно.

Власть.

Наконец и она начала понимать. Немного. Его плоть томится от желания обладать ею.

Да. И это тоже.

Интересно...

Она повернулась так, чтобы ему лучше были видны изгиб груди и острые стрелки сосков. И услышала, как он захлебнулся воздухом. Почувствовала исходившие от него волны желания. Он едва себя сдерживает. Несмотря на безумную потребность. Неутолимую жажду.

Ощутила, как ее тело отвечает на каждый чувственный импульс использовать его плотскую потребность, чтобы заставить его ползти к ней. И она сделает это, чего бы ни стоило.

Сжав груди, она шагнула к нему.

— Тебе нравится? — прошептала она.

— Не могу отвести глаз.

— От своего подарка или моих сосков? — прошептала она.

— Твоих сосков.

Дрю поняла, что он находится на пределе. И если она сделает первый шаг. Корт капитулирует.

Но хватит ли у нее мужества? И хочет ли она пойти на такое?

Дрю остановилась около устройства. Под ним было небольшое возвышение, как раз чтобы ей было удобнее влезть в упряжь. Такое же бесстыдное, дерзкое бессловесное предложение, как любая пространная тирада из тех, что произносились до сих пор.

И она должна хотеть этого так же сильно, как он — ее.

И что же?

Власть. Именно.

Пристально глядя на него, она поднялась на ступеньку и просунула сначала одну ногу, потом другую в мягкие петли, поправила тонкий кожаный ремешок, чтобы поудобнее расположиться: упряжь раздвинула ее бедра, выставив напоказ Карту все, что было между ними. Он всецело отдался удовольствию наблюдать это необычайное представление, пока она изгибалась и извивалась, выпячивая груди. Дрю, со своей стороны, отвечала ему взором, исполненным некоего нового познания.

Но он намеренно заставлял ее ждать, как бы ни хотелось ему нырнуть, словно в омут, в чарующие глубины. Корт не мог досыта насмотреться на Дрю, хотя выражение ее глаз говорило о том, что и она начинала понимать, каково это — использовать свое чувственное могущество.

Но пока об этом рано говорить. И не стоит, пока он не проник в нее так далеко, где никто никогда не бывал.

Корт медленно разделся и наконец предстал перед ней полностью обнаженным, огромным, пульсирующим и все еще владеющим собой.

Судя по лицу, она, даже добровольно раздвигая перед ним ноги, не была готова к тому, что увидит. Настоящий исполин: стальной крепости плоть возносилась из треугольника густой жесткой растительности. Длинный, толстый, гигантский стержень, который пронзит ее сегодня.

Корт отшвырнул ногой подставку и расположился между ее разведенными бедрами, направив орудие мести в ее влажную сердцевину. Вид обнаженной, раскинувшейся перед ним женщины с золотыми петлями на сосках мог бы свести с ума любого мужчину.

Но только не его. О, скоро заблудшая жена поймет, на чьей стороне верх, увидит, что он вполне способен завоевать ее нагое тело, не отдав взамен свое.

И хотя он был готов взорваться, боясь, что одно лишь прикосновение к ее сладостной плоти заставит его забиться в экстазе, он чуть подался вперед, так что самый кончик его плоти поцеловал все еще сомкнутые складки. Дрю тихо охнула, почувствовав его вторжение, и, опустив глаза, увидела его огромное копьё, готовое вот-вот поразить цель.

Сможет ли она принять его целиком?

Он стоял неподвижно, так, что она мгновенно ощутила, какая неукротимая сила скрыта в этом человеке. Сила, которой он способен управлять.

Он хотел, чтобы она запомнила каждое мгновение этой ночи, когда он снизошел до того, чтобы взять ее. Пусть в ее памяти запечатлеется каждый миг обладания. И пусть видит все, что он с ней делает.

Корт снова толкнулся в нее — Дрю открылась шире, чтобы принять его, поглотить. Он помедлил несколько бесконечных, напряженных секунд, чтобы дать ей ощутить свой жар, тяжесть, твердость. Чтобы она смогла наблюдать, как входит в нее его плоть.

Еще дюйм... еще... и Дрю застонала, боясь, что он разорвет ее, хотя сама уже загорелась, а соски напряглись, и он... он внезапно стал центром вселенной, огненной ловушкой, из которой ей уже никогда не ускользнуть.

Она беспомощно металась, с каждым движением втягивая его все глубже в свое ненасытное жерло; пленница возбуждения и вожделения, почти обезумевшая от похоти и того, что стояло перед ее глазами. Они уже соединены, хотя и не до конца...

Корт ощутил, как первые прозрачные капельки увлажнили его пенис, но, закусив губу, приготовился к последнему яростному выпадку. Сейчас она станет его собственностью, окончательно и бесповоротно. Такая тугая, мокрая, открытая... там... единственный удар, и все будет кончено...

...он чуть отстранился...

...один мощный меткий удар...

...он безжалостно вцепился в ее бедра...

...и пробил последнее препятствие...

Дрю вскрикнула, когда он взял ее этим резким, коротким, мощным выпадом и стал пробиваться внутрь, внутрь, внутрь... глубже, глубже, глубже, пока не погрузился до конца.

Теперь их бедра прижимались друг к другу, и Дрю зажмурилась, переживая, пока боль стихнет. Она знала, что придется потерпеть, но это... это... непривычное ощущение заполненности, единения с этим человеком... чего-то чужеродного, вторгшегося в ее потаенное отверстие... отчего так хочется оттолкнуть его и убежать?!

Кто мог знать и объяснить, что это состояние всепоглощающего обладания напугает ее и она почувствует себя беззащитной, уязвимой, неловкой?

— Мне нужно уйти, уйти, — лихорадочно шептала она, не пытаясь, однако, вырваться из кольца его рук.

— Ты куда и никогда не уйдешь, моя лань. Теперь я — твой хозяин. И то, что у тебя между ног, принадлежит мне, никогда не забывай об этом. Я — тот, кто способен заставить тебя потерять голову от желания к тому, что можешь получить лишь от меня...

— Нет... нет... прочь...

— Ты станешь молить меня об этом... Он принялся раскачиваться.

— Никогда! — отрезала она.

— Будешь умирать от жажды...

— Ни за что...

— Просить на коленях. Моя лань...

— В таком случае покажи, что это такое! — прошипела она.

— Благодарю за то, что удостоила меня разрешения. Но не тебе указывать, что мне делать! — Он вдавился в нее бедрами. — Почувствуй это, жена!

И, откинувшись назад, вошел в нее коротким жестким выпадом.

— И это...

Он сейчас достанет до самого горла...

— ...и это...

Он почти уже не сдерживал себя, гонимый слепой потребностью освободиться от бремени, так долго тяготившего его.

— ...и это...

Она боялась вымолвить слово, будто в эту минуту все ее существо сосредоточилось на его движениях, требованиях, командах.

Он двигался в ней почти механически, как поршень; ее плоть растягивалась, чтобы принять его, обхватить живым кольцом, вырвать у него те ощущения, к которым она стремилась, что бы там ни говорила. В чем бы ни уверяла.

Но все это не должно было случиться: эта лихорадочная поспешность, это наслаждение. Невероятно, но их тела словно бы предназначены друг для друга: его твердый обжигающий

пенис гладил и потирал крохотный островок жаждущей плоти именно в том месте, где ей больше всего этого хотелось, и все потеряло значение, кроме ошеломляющей потребности дать и получить наслаждение.

Хищные пальцы впились в ее ягодицы, притягивая все ближе, позволяя его плоти проникнуть еще глубже. Каждая мышца Корта трепетала от усилия держаться. Он все еще смертельно боялся потерять контроль над собой, ибо это означало его бесповоротную капитуляцию.

Но даже его прославленное самообладание не было безграничным. На этот раз верх взяло вождение. Он словно с цепи сорвался и объезжал ее до тех пор, пока больше не смог держать себя в руках. Последний рывок, и он исторгся мучительной, болезненной, долгожданной разрядкой.

— Мы только начали, моя лань, — прошептал ей Корт. Он все еще оставался внутри, по-прежнему твердый и горячий. Капли густого беловатого семени медленно падали на пол. И он хотел ее еще сильнее.

Корт подвел ладони под ее ягодицы и поднял Дрю в воздух, каким-то образом ухитрившись не выйти из нее.

— А теперь, жена? Ощущаешь меня... там? Клянусь, ты никогда не ускользнешь от меня...

Она сама не помнила, как очутилась на кровати. Он уложил ее и сам лег сверху, проникая туда, где еще осталось его семя.

— Никогда...

...никогда...

Он был таким безжалостно-жарким, так прижимал к кровати всем весом, что она в жизни не признавала себя столь хрупкой и маленькой, отданной на милость яростной силы. Его жажда обладания сжигала ее.

— Подожди немного, маленькая лань. Теперь, когда я немного утолил свой голод, а ты извела вкус...

— Вкус чего? Твоей власти надо мной? Разве это и без того не ясно? — пробормотала Дрю.

— Надеюсь! — прорычал он, проталкиваясь в нее. Между ними пробежал холодок, словно чувственный огонь вдруг погас. Она слишком холодна, значит, придется немного ее подогреть.

Он принялся двигаться. Из горла Дрю вырвался полустон-полукрик.

— Ты привыкнешь, маленькая лань. Не могу понять, почему я так долго ждал, чтобы получить свое? Отныне я стану лакомиться твоими прелестями день и ночь.

Дрю охнула.

— Именно так: ты на спине, раздвинув ноги...

Она тонет... тонет в этих тягучих, бесстыдных непристойностях... не понимая, что будет дальше. Он поработил ее своим огромным телом и гигантским орудием, и теперь она еще более беспомощна, чем раньше. Куда девалось то ощущение власти над ним, побудившее надеть на себя эту сбрую... совсем как породистая кобылка под седлом... как ягненок перед мясником...

она дала ему все, что он хотел, но при этом потеряла себя. Только последняя дура способна вообразить, будто обуздает его!

Отныне такова ее жизнь: распластанная под его телом, сосуд для его бессмысленной похоти.

Но ведь именно такими желают видеть мужчины всех женщин.

Его тело внезапно напряглось.

— Что с тобой? — пролепетала она.

— Я опять хочу тебя.

— Я не имею права ни в чем тебе отказать! — с горечью бросила она. — Не смею.

— Вот как? Лань забыла то наслаждение...

— Никакого наслаждения! Есть только господство и покорность. Делай все, что вздумается, и поскорее отпусти меня.

— Но я никогда не отпущу тебя, жена. Ты только начала платить мне за все, что я для тебя сделал. И я не сказал, что с твоей стороны это всего лишь подчинение. Чувствуешь, какая ты набухшая и влажная? Твое тело призывает меня взять его.

Это верно. Она надела на себя сбрую по своей воле, и сейчас горела от стыда за то, что самонадеянно мечтала властвовать над Кортон.

Это он диктует ей, начиная с того, что носить и есть, до постельных поз. Она просто не понимала плотских инстинктов мужчин.

Или своих собственных.

— А я намереваюсь день и ночь пребывать там, где сейчас. Он крепче прижал ее к себе.

— Несмотря на твои намерения. Хотя ты мечтаешь об этом...

Он шевельнул бедрами.

— И об этом...

Неожиданный, заставший ее врасплох выпад.

— Да...

— Не-е-ет, — простонала она, когда он снова пронзил ее. И еще раз. И еще. И ее тело начало двигаться в унисон с его толчками. Ее неверное, подлое тело внезапно зажило собственной жизнью, готовое на все ради того, что он с ним делал.

— Нет...

Но протесты все слабели, по мере того как волна за волной подхватывала ее и возносила вверх, чтобы встретить каждый выпад, каждый рывок.

— ...нет...

Это нехорошо. Гнусно. Подло. И все же... все же, по мере того как ощущения становились знакомыми, как те ошеломляющие чувства, которых он добивался от нее руками и ртом, угрызения совести куда-то испарялись. Лишь одно имело значение, лишь одно...

В эту минуту все сосредоточилось в единственном местечке между ног. Корт не лгал. Он действительно был там, где она хотела, в высшей точке ее чувственных устремлений.

Она сама не ведала за собой такого голода, да и откуда ей было знать? Он открыл ей потребности ее тела, подготовил для своего вторжения. И как ни старался, не мог двигаться достаточно быстро, проникнуть достаточно глубоко, достаточно далеко.

Корт звериным инстинктом ощутил то мгновение, когда она отдалась ему, поняла смысл того блаженства, которое он ей дарил. Она затрепетала, вобрав его в себя, стиснув крепче, раскрывшись еще шире и найдя свой чувственный ритм.

Экстаз охватывал постепенно, как утреннее солнце, с каждым часом набирающее силу, и пламя вдруг вскинулось высоко, безжалостное, яростное, неукротимое, поглотившее Дрю целиком.

Перед глазами замелькали искры, водопад искр, причудливый фейерверк, взрывающийся снопами цветных огней, неожиданно отбросивших ее в темную пропасть наслаждения.

Ему оставалось лишь последовать за ней в этот непроглядный мрак, где обоих ждало освобождение.

Утром она пробудилась как от толчка. В его объятиях. Попка прижата к его неустанно-твердой плоти, одна его рука лежит на ее груди, пальцы второй утонули в ее лоне.

Дрю не смела пошевелиться. Он именно там. Именно там, где она хотела, и Дрю не знала, как случилось, что он завладел ею так бесповоротно.

Корт ничего не делает просто так. У него все рассчитано.

Она боялась вздохнуть.

И как жарко, даже в этот ранний час. Едва рассвело, а они словно теплым одеялом придавлены. Она вся мокрая от пота, но по телу разлились довольство и покой.

Довольство?

С того места, откуда она лежала, ясно виднелись свисавшие с потолка ремни. Начало ее конца. Она отдала все, все до конца. Не осталось ничего, что бы он не получил. Чего бы не мог взять.

А ей остается только постыдно капитулировать. Вечное поражение женщины, готовой на все, лишь бы еще раз испытать невыразимое наслаждение.

Все ее мечты о власти лежат в пыли. Но может... она еще выиграет, если заставит его молить о каждой милости. Молить и пресмыкаться. При условии, что он достаточно сильно желает ее.

О да, он хочет ее пока.

Его пальцы судорожно сжались, и ее тело содрогнулось.

Но ведь и она хочет *этого*.

Какой далекий путь она прошла всего за одну ночь! От девственницы до шлюхи. Соблазнилась обещаниями немыслимого экстаза. Готова при одном его прикосновении расставить ноги.

Какое мощное у него орудие!

Несправедливо! Нечестно.

У нее ни за что не хватит сил противиться ему. Да он и не позволит.

Снова беспомощная...

Забывшись, Дрю чуть повернулась.

Сосуд, невольница, служанка...

Она снова дернулась, когда его пальцы сомкнулись на левом соске.

— Доброе утро, моя лань, — едва слышно прошептал он. — Ты уже готова принять меня... но я возьму тебя пальцами...

— Я...

Но больше она ничего не успела сказать. Он лег на спину, подхватил ее, водрузил на себя, так что его плоть уютно улеглась в расщелину между ягодицами.

— Не строй из себя недотрогу, Дрю. Обними мои бедра ногами, вот так... теперь я могу добраться до тебя...

Все равно что лежать на камне, нагретом солнцем, шершавом и круглом, покоившемся на самом краю обрыва. Он по-прежнему сжимал ее грудь, играя с ноющим соском. Пальцы другой руки оставались в ней, лаская, терзая, перекатывая набухший бутон плоти.

Дрю непроизвольно выгнулась, сотрясаемая спазмами наслаждения. Он знал, как ласкать ее соски, как заставить ее потерять рассудок.

Его пенис терся о дырочку между ягодицами, а пальцы

Продолжали потирать неопишимо чувствительное местечко между бедер. Она таяла, растекалась, а напряжение все нарастало. Он натягивал тетиву все туже, пока наконец не спустил ее: целый веер стрел пронзил ее тело... душу... и продолжал жалить, пока она не разлетелась на миллионы сверкающих осколков.

Она обессиленно обмякла на Корте, но он все еще продолжал тереться о ее ягодицы. Двигаться Дрю не могла. Боялась, что в самом деле рассыплется. Мужчине не пристало так много знать о женском теле!

Но он... он знал.

И она принадлежит ему каждым дюймом кожи. Принесена в жертву его инстинктам.

По крайней мере она получила свою награду... по крайней мере...

Он легко перекатил Дрю на живот и приподнял ее попку.

Она почувствовала, как Корт ищет входа... еще мгновение, и он легко скользнул в нее. Она дернулась, когда он покрыл ее. Они провели так все утро. Корт так и не вышел из нее.

Глава 7

Он взял ее, лишь когда часы пробили полдень, и довел до сокрушительной кульминации, оставившей обоих выпитыми до дна, задыхающимися, измученными... но все же он сумел оставить ее нежиться в постели, пропитанной любовными соками их слияния.

Корт должен был уйти. Он нуждался в передышке. Пять минут... полчаса... вдаль от нее, от обнаженного соблазнительного тела. Чтобы она не видела его упорно восставшей плоти, не поняла безумной потребности обладать ею снова и снова.

Немного времени, чтобы расслабиться, не думать о Дрю, просмотреть документы, требующие его внимания.

Но ее запах, казалось, навеки въевшийся в кожу, не давал сосредоточиться. Кружил голову, мутил рассудок...

Будь она проклята. Он едва спустился вниз, а желание снова терзает его. И что тут удивительного? Лань полна сюрпризов... не говоря уже о том, что горяча, как расплавленная смола, и тесна, как стиснутый кулак. Какой мужчина устоит против этих достоинств? И как устоять и не взять ее?!

Черт возьми, он должен погрузиться в нее. Сейчас.

Опять им правят его неукротимый пенис и сладострастная леди-жена.

Но несмотря на все разумные доводы, Корт взлетел по

Ступенькам и, ворвавшись в комнату, нашел Дрю прислонившейся к изголовью и надевающей золотые обручи на так и просившиеся в рот соски.

Он едва не излился, тут же и немедленно. Его плоть нестерпимо ныла. Он на ходу сорвал с себя одежду, бросился на постель и, встав на колени, притянул Дрю к себе.

Молча, яростно он поднял ее ноги себе на плечи и послал свое напряженное копьё так далеко, как только мог. Раз. Другой. Третий. Ничто в этот момент не могло остановить его. Он выплеснулся в нее, как гейзер, заливая своим раскаленным семенем.

Но и этого оказалось недостаточно. Он рухнул на Дрю и внезапно понял. Просто брать ее — это еще не все. Необходимо знать кое-что другое.

Позже он позвал Эви и отдал ей мерзкое письмо Ленуара.

— Вручишь это хозяйке.

— О, хозяин... — пробормотала Эви.

— Делай что сказано. И проследи, что она сделает. Не мешай ей покинуть дом. Но попробуй только не проследить за ней...

Все тело Дрю ныло, словно покрытое синяками. Оказывается, Корт может быть грубым и бесчувственным. В последний раз он заботился лишь о собственном удовольствии.

Но, в конце концов, ее обязанность — обслуживать хозяина.

Дрю встала и принялась мерить шагами комнату, отражавшую характер Корта: большую, обставленную массивной мебелью. Белье из тяжелого льна еще усиливало вечную жару. Здесь Эви не приказывали снять простыни и занавески. Да в этой обители похоти в этом нет нужды. Ей все равно ничего не скрыть от него.

И в открытые окна врывается легкий ветерок.

Больше она не думает прыгнуть вниз. Ни малейшего шанса сбежать. Ее участь решена. Она жена Корта. Шлюха Корта. И обязана до конца жизни выплачивать долг.

Однако это не так уж неприятно, если не считать последнего соития. Да и оно, по правде говоря, было исполнено взрывного возбуждения. На этот раз он потерял контроль над собой. Абсолютно. И едва не потерял рассудок при виде золотых рамок для сосков. Даже она возбуждалась, когда надевала обручи. Было нечто донельзя эротическое в контрасте тончайших золотых колец с розовыми маковками груди.

Власть. Именно. Там, где она не предполагала. В ее груди. Наготе. Между ногами.

Наверное, ни любовь, ни даже привязанность совсем не обязательны для супругов. Важно лишь, как искусно она сумеет привести его на грань чувственного безумия.

Возможно, жизнь окажется не такой уж неприятной. У нее есть для этого все: остается научиться самым развратным трюкам. Она сама — орудие, способное покорить любого мужчину.

Разве она не видела это в его взгляде, прежде чем позволила смущению взять верх над уверенностью? И разве она не возбудилась настолько, что не побоялась влезть в сбрую? Зная, что выставляет тело напоказ Карту?

Да, да, да. И хотя Корт собирался использовать устройство, чтобы покорить ее, она, сама того не понимая, с его помощью соблазнила Корта.

Это и еще золотые обручи. И возможно, десятки других штучек и безделушек, известных умным женщинам. Можно изобрести и новые.

Он с самого начала объявил, что желает видеть ее голой и покорной. И добился полного подчинения: теперь она его добровольный партнер в игре вожделения.

Отныне все будет куда легче... пока Корт не устанет от нее и не обратится к другим женщинам.

Но до тех пор...

До тех пор он будет давать ей все то утопавшее в его семени наслаждение, которое она только сможет вынести.

А она... она будет самой послушной рабыней и сделает все, чтобы Корт никогда не пожелал позабавиться с кем-то, кроме нее.

В дверь тихо постучали.

— Хозяйка! — едва слышно окликнула Эви, внося поднос с завтраком. — Поешьте, хозяйка.

— Умираю с голоду! — воскликнула Дрю, вновь забираясь в постель. Эви опустила поднос ей на колени.

— Горячие бисквиты, яйца и овсянка. И клубника. Кофе. И кое-что еще.

Но Дрю уже увидела. Конверт, засунутый под тарелку, так, что выглядывал только краешек.

— Что это?

— Какой-то человек передал Луизе для хозяйки. Луиза отдала мне. Побоялась сказать хозяину. Не знаю, что делать, хозяйка. Если господин узнает, тогда беда.

Дрю судорожно сглотнула.

— Не узнает.

— Я ничего не видела, — пробормотала Эви. — Если кто-то спросит, я ничего не приносила.

— Верно. Я готова это подтвердить.

Эви кивнула: очевидно, женщины друг друга поняли.

— Поешьте, госпожа. Нужно сохранить силы для хозяина. Он вот-вот придет опять.

Придет. И скоро. О, черт поберу...

Дрю выдавила слабую улыбку.

— Обязательно, Эви.

Едва Эви удалилась, она вытащила конверт, разорвала дрожащими пальцами и развернула письмо. «Моя дражайшая любимая кошечка...» Сердце Дрю упало. Краска бросилась в лицо. *О, Жерар... мой дорогой Жерар... что я наделала? Что я наделала?*

Все. Я сделала все, чтобы предать его и нашу любовь.

Господи...

Нет ни выхода, ни надежды.

Дорогой Жерар... слишком поздно. Ты с презрением отвернешься от меня, если узнаешь, КАК я ему отдавалась. Боже, как теперь быть? Как быть?

Дрю смяла записку, но тут же разгладила. Посредница. Луиза вызвалась быть посредницей. Она может отнести ответ.

Но как? Что она может ответить?

И что, если Корт обнаружит?

Но она должна, должна. Жестоко оставлять Жерару надежду. И тешить грезами себя.

Эви поможет. Достанет перо и бумагу, и она напишет письмо, которое уничтожит грезы, письмо, которое навеки отвратит от нее Жерара.

Но она так и не смогла это сделать. Не сумела найти слов. Немыслимо найти слова, если сидишь голой в постели Корта, через час после любовной схватки.

Возможно, ее молчание — самый красноречивый ответ. Жерар поймет, что она находится в безвыходном положении. И не имеет права оставить Корта. Убежать от него. Все это — несбыточные фантазии наивной молоденькой девушки. Но реальность вошла в ее жизнь и потребовала расплаты за все радужные иллюзии.

Нет. Она сохранит любовь к Жерару в сердце, чтобы перебирать в памяти радужные воспоминания, когда жизнь станет невыносимой.

Сделка между отцом и Кортом перевернула ее мир. Лишила романтики, галантности, рыцарства.

Бизнес. Деньги. Бушели риса и хлопка, цены за фунт. И она.

Товар.

И не должна никогда этого забывать. Корт должен оправдать затраты и получить свой фунт плоти. И она действительно только начала платить долги.

Милый Жерар, прости меня... потому что сегодняшнюю ночь я снова проведу с ним, и даже думать о тебе невыносимо...

— Она ничего не ответила, — сообщила Эви, когда принесла хозяину бокал вина. — Ей нечего сказать.

— Ясно.

Корт повертел в руке хрустальный бокал и поднес к свету, любуясь благородным багряным напитком. Посуда и вино богача, который может позволить себе все самое лучшее.

Богача, купившего себе жену.

Он задумчиво поднес к губам бокал. Лемуар не сдастся. Слишком много потерял и, возможно, рассчитывает на то, что он, Корт, не выказал особых чувств к Дрю. Очевидно, считает, что важнее всего для Корта Оук-Блаффс, а Дрю — просто довесок к сделке.

Возможно, эти соображения и побудили Лемуара написать столь отчаянное письмо. Он даже поклялся, что ее отец не пострадает. Несмотря на тот факт, что Виктор едва не покончил с собой от унижения.

Тот же Виктор настоял на том, чтобы Дрю никогда не узнала, кому в действительности он должен целое состояние.

Лемуару тем более невыгодно об этом болтать, чтобы не уничтожить любовь Дрю к нему. Не разоблачить собственную подлость. Виктору тоже ни к чему рисковать.

На какой постыдной тайне построен их брак!

Впрочем, Виктору, вероятно, все равно. Как только договор был подписан и Корт стал совладельцем плантации, Виктор вел себя идеально. Но недолго осталось до той минуты, когда игорный зуд вновь им овладеет и Виктор начнет, убеждать себя, что ставка-другая в кости не повредит, тем более что теперь он просто не сможет потерять все.

Что же, посмотрим... Кроме того, есть немало способов разделаться с Ленуаром, и Корт не задумается выставить напоказ все его грязное белье, что бы ни стоило... если, конечно, Ленуар вознамерится всерьез преследовать его жену.

Вот из-за этого мужчина не может позволить одурманить себя парой стройных женских ножек, какими бы соблазнительными они ни казались.

Дрю...

Мгновенно вздыбившаяся плоть. Но чего и ожидать?

Черт, черт... она не ответила на письмо, а он был готов прозакладывать Оук-Блаффс, что ответит.

Он хотел это тело, теплое, тугое, лживое тело.

Корт сидел в кабинете, не в силах подняться, окруженный ее женским ароматом.

Он не может прожить ни минуты без того, чтобы не погрузиться в нее. Он пропал, но ему было все равно. Только не сегодня.

Сегодня...

Он приказал Эви привести Дрю в особенном... ночном... костюме.

Она вошла, и Корт холодно улыбнулся. Само совершенство. Темная вуаль закрывала ее лицо, придавая ей загадочный вид. Золотые кольца, сковавшие ее сладкие соски, и атласные ленты на запястьях.

У него закружилась голова. Их общее возбуждение росло с каждой секундой.

— Привяжи ленты к крюкам в стене, — приказал он Эви.

Действительно идеальная поза: руки подняты, груди выставлены и подрагивают, так что золото бросает отблески на белоснежную кожу. Глаза сверкают через черную вуаль, словно она догадалась о его намерениях.

Он расстегнул брюки, отбросил ногой и позволил ей полюбоваться живым доказательством его желания. Этого было вполне достаточно, чтобы она замороженно уставилась на его готовую погрузиться в нее плоть. Дрю задрожала, словно его мужественность возбуждала ее без меры и границ. Почти теряя сознание, она терлась о гладкую штукатурку стены, мечтая лишь о том, чтобы он взял в рот ее соски.

Корт и не представлял, что она может довести его до подобного состояния. Но плоть все продолжала расти и удлиняться. Дрю делала все, чтобы обольстить его, заставить вонзиться в нее, он видел это в ее взгляде. Но намеревался лишить ее этого удовольствия. Пока.

Пока...

Она продолжала извиваться на фоне стены, словно в объятиях невидимого любовника. Единственного, способного дать ей то, что она так исступленно желала.

Прекрасно. Дай ей понять, что ничто не сможет насытить ее, кроме его гигантской плоти. Что только его член владеет ею, и никому больше она принадлежать не будет. И

именно от Корта зависит решение дать ей это наслаждение, намять живот и проткнуть насквозь, а ее мнение и желания не играют никакой роли.

Но Боже, как он изголодался по ней! И она изнывает по нему.

Как все неверные сучки. Соблазнят своей наготой одного и мечтают о другом.

Он вызывающе погладил себя, и она дернулась.

— Не сегодня, моя голенькая лань.

— Но я хочу... — простонала Дрю.

— Знаю. Знаю, что и как ты хочешь.

— Тогда...

— Подождем. Ты должна в точности понять, как велика твоя жажда и к кому ты приползешь, чтобы ее удовлетворить.

Она облизнулась, и он поспешно отвел глаза. Да. Вот оно.

Дрю закусил губку и намеренно многозначительно уставилась на его пульсирующий пенис. И снова увлажнила языком пересохший рот.

Мощный отросток поднялся, словно ощутив прикосновение ее губ.

Власть.

Она может иметь любую власть над ним, даже связанная и в вуали, извивающаяся от неудовлетворенной похоти.

Ему нравится ее связывать. И нравится думать, что вся власть у него.

Но он не может оторвать взгляда от ее трепещущих сосков. Не может никуда деться от мускусного запаха ее лона, наполнявшего комнату.

Дрю истекала белым хмельным вином страсти. И не могла ни о чем думать. Только о его отказе взять ее. Хоть бы он погрузился в нее и остался навсегда.

Ее соски зудели от напряжения. В этом состоянии даже невесомые золотые обручи казались тяжелыми. Она в экстазе откинула голову и принялась вращать и покачивать бедрами.

— О нет, моя голенькая жена. Нет Сегодня ты меня не получишь.

Но его притягивало ее извивающееся тело и стройные бедра. Вот оно, могущество! В ее совершенном теле, в капельках влаги, поблескивающих на кружеве волос внизу живота, в его бушующей плоти. Наконец-то она обнаружила древнюю как мир тайну обольщения мужчины.

И ни к чему говорить, опровергать очевидную ложь. Он невольно шагнул к ней, ведомый свирепым желанием, отягощавшим чресла, готовые вот-вот взорваться.

— Не сегодня, жена. Что бы ты там ни вытворяла. Однако он продолжал идти, словно притягиваемый невидимым магнитом, гигантский, возбужденный, охваченный желанием

обладания, пока она изгибалась в изысканно-эротическом танце, заранее уверенная в своей победе.

— О нет. Я хорошо изучил все эти игры, Дрю. Сегодня тебе ничего не получить.

Его жаждущая плоть уткнулась в ее пульсирующую расселину. Дрю поспешно отвернулась, чтобы скрыть блеснувшее в глазах торжество, и, выгнувшись, ощутила прикосновение его губ к тому месту, где мгновение назад покачивался могучий отросток. У Корта перехватило дыхание. Следовало бы благоразумно держаться подальше от нее. Либо взять эту женщину, либо немедленно отослать — третьего не дано.

Корт отодвинулся, не замечая, как головка фаллоса оросилась жемчужным семенем. Дрю снова застонала.

— Ну да, тебе это по душе, Дрю. Все, что угодно, только бы утолить голод, верно? И показать, что у тебя есть власть над *ним*.

Он сжал непослушную плоть и снова повернулся к Дрю.

— Так вот, моя голенькая кошечка, ты бессильна передо мной. И если я захочу взять тебя, то вовсе не потому, что ты сумела добиться этого, соблазнив меня. Просто такова моя воля. Я привел тебя сюда с единственной целью — утолить мою похоть у этой самой стены. Вбивать в нее твое нагое тело — неплохая идея, не так ли?

— Ну и воплоти ее, — подначила Дрю.

— Маленькая шлюшка!

— А ты вот-вот взорвешься! — с издевкой бросила она. — Пожираешь глазами мои соски и бедра. Умираешь от желания заполучить то, что у меня между ногами, Корт. И не отрицай. Ты знаешь, как там мокро, как тесно... как жарко... именно то, от чего мужчины сходят с ума...

— Но мне это сегодня не нужно. Слово не слыша собственных уверений, он прижался к ней.

— Я не возьму тебя...

Ближе.

— Нет, черт возьми...

Совсем близко...

— Нет...

Он вошел в нее, и Дрю ахнула.

— Нет!

Тяжело дыша, он чуть откинулся, чтобы с новой силой вонзиться в нее. Вталкиваться короткими, резкими бросками. Прижать к стене, не позволяя ни шевельнуться, ни чувствовать.

Но она все равно чувствовала его мощь, упорство и решимость, силу и господство своего тела: она обрела способность довести Корта до предела, сломить волю, поглотить, его плоть всю, до последнего дюйма, — и грубость их животного соития вознесла обоих к головокружительной

кульминации эротической игры.

Она словно растеклась по нему: его семя пропитало ее внутренности, самые кости. Ей не хотелось ни говорить, ни шевелиться. Он был по-прежнему тверд и готов к новым схваткам, сердца обоих беспорядочно колотились.

О, пусть теперь твердит, что не хочет ее...

Она зазывно потерлась о него, с наслаждением ощущая его плоть между бедер. Слова ни к чему. Достаточно прижаться к Карту, и она получит все, что пожелает. Сейчас она попробует испытать его; даже мысль о том, как он снова погрузится в нее, обжигала новым приливом желаний. А он по-прежнему в ней, толстый, как ствол молодого дерева.

Какое еще приглашение ему требуется, чтобы снова овладеть ею?

— Значит, ты воображаешь, что победила? — пробормотал Корт, отстраняясь, и Дрю что-то протестующе пролепетала. — И хочешь еще? Кто не хочет еще...

Он отвязал ее руки.

— Все хотят еще...

Он нагнулся и подхватил ее.

— ...только некоторым этого не получить. Он неловко приоткрыл дверь.

— Эви!

Из ниоткуда возникла Эви.

— Отведи хозяйку в ее спальню. Вымой. И присмотри, чтобы она отдохнула.

Он поставил Дрю на ноги.

— Я не хочу... — начала было Дрю, но он уже отвернулся и вошел в кабинет.

— Идемте, госпожа, — посоветовала Эви. — Хозяину лучше знать.

Дрю метнула ему в спину злобный взгляд. Корт захлопнул дверь у нее перед носом.

Он больше минуты не выдержит в ее присутствии, иначе окончательно рехнется. Он уже сегодня поддался ей, как зеленый молокосос.

Черт побери, он сам не понимал, как у него хватило воли вытащить ее из кабинета.

Еще одна секунда, одно чувственное мгновение, и он бросился бы перед ней на колени и умолял о милости.

Хватит с нее на сегодня. Она и так получила больше, чем он был готов дать. Дьявол... дьявол... он мог бы не слезать с нее всю ночь...

Мельком заметив непонятный отблеск на полу, он нагнулся и поднял тонкий золотой обруч. Потер его между пальцами и ощутил, что снова готов броситься в любовный поединок.

Значит, дела действительно плохи, если при одном воспоминании о ее грудях у него все встает.

Будь она проклята, проклята, проклята...

Проклята.

— Хозяин...

Корт с трудом приподнял затуманенную голову. Он сам не помнил, как оказался здесь, в своей спальне, хотя, судя по всему, было уже утро.

Кажется, он выпил стакан вина... два... а может, три, чтобы утолить иссушающую жажду.

Корт зажмурился от яркого солнца и поскорее прикрыл глаза ладонью.

— Что тебе, Эви?

— Еще записка, господин. Луиза передала.

Дьявол...

Он вскочил и схватился за брюки.

— Может, она нашла способ написать ему? Корт оставил замечание без ответа.

— Где записка?

— У меня.

Эви дала ему конверт. Но Корт дождался ее ухода, чтобы распечатать письмо.

Он не хотел к нему притрагиваться. Кто в доме предал его? Корт разорвал конверт и вынул записку.

«Моя дражайшая милая кошечка!

Твои слова не утешают меня. Я должен видеть тебя. Должен услышать из твоих прелестных уст, что ты добровольно выбрала себе судьбу и намерена чтить святость супружеских обетов и стать верной женой человеку, недостойному целовать твои ноги.

Пожалуйста, пожалуйста, умоляю, выйди ко мне сегодня ночью. Буду ждать тебя в беседке, при свете луны. Никто не узнает. Та, что передаст письмо, — преданная мне особа, достойная всяческого доверия.

Если сегодня ты сама своими сладостными губками скажешь, что мы должны расстаться, клянусь, что больше ты обо мне не услышишь.

Но дай мне шанс увидеть тебя, насладиться прелестным голосом, взглянуть в чистые глаза последний раз, припасть к устам последним поцелуем, если твое решение окончательно и бесповоротно.

Твой возлюбленный Жерар».

Корт всадил кулак в стену.

Значит, ублюдок вознамерился выманить ее на свидание... Недостаточно, что осыпает ее жалобами и словами любви. Недостаточно, что он вожделеет жену другого. Нет, ему потребовалось еще и свидание!

Пусть будет так. Во власти Корта даровать ему исполнение желаний.

И его одержимости будет положен конец!

Глава 8

Он ничего не сумел поделать с собой. Несмотря на здравый смысл, хладнокровие, решимость и ярость, терзавшую его при воспоминании о ее чувствах к Жерару, Корт хотел ее. Кроме того, она не так уж и уверена в своих чувствах к Жерару после исступленных ночей, проведенных с мужем.

Что с ней происходит?

Дрю перевернулась на спину и посмотрела в окно, за которым вставало утреннее солнце. Теперь окно открыто. На постели свежее белье. На окне появились занавески.

Таких перемен она не ожидала и не предполагала. Перемен не только в ней самой, но и в нем. Изменений ее желаний, потребностей, верований.

Она хотела Корта. Он добился цели, научив Дрю понимать всю меру ее могущества.

Какое счастье, что она не ответила на письмо Жерара. Что она может сказать ему? Особенно после вчерашнего бесстыдного совокупления с Кортом?

Она горела как в огне, готовая к новым ласкам, новым слияниям. Предвкушая грядущую ночь.

По телу прошла приятная дрожь. Откуда ей было знать?

Дрю потянулась, наслаждаясь собственной наготой. Если бы он вошел, она с радостью раздвинула бы перед ним ноги.

Дрю со свистом выдохнула воздух.

Хоть бы он пришел. Сейчас.

Подняв с тумбочки вуаль, скрывавшую прошлой ночью ее лицо, Дрю набросила ее себе на груди. Соски натянули тонкую ткань. Острые. Твердые...

И голые!

Дрю вскочила. Золотые обручи! Они пропали, Господи, пропали!

Не-е-ет!

Она обыскала всю постель. Ничего. Но были ли они на ней прошлой ночью? Господи, она не помнит...

Были! Да, в памяти отпечатался их блеск, когда она завлекала Корта.

А потом? Потом?

В тот волнующий момент, когда он поднял ее? В невыразимо мучительный момент, когда оставил в коридоре? Дрю принялась шарить по полу. Ничего, ничего, ничего.

Даже пыли: достойное свидетельство аккуратности Эви.

...Где?!

Ей нужны эти обручи. Она влюблена в них...

...подожди... у самой двери...

...только один...

Дрю подняла его и поднесла к свету. Тонкий, легкий и гнется... *гнется...*

Его можно сжать плотнее... сдавить...

В точности так напрягается и сжимается ее тело при мысли о нем...

Что за невероятно чувственная вещичка!

И выглядит еще более эротично, когда украшает один сосок.

Дрю взглянула на себя в зеркало, сжала грудь, пытаюсь увидеть себя *его* глазами, представить вождение, испытываемое им при взгляде на нее.

Дверь спальни распахнулась.

О да, моя фантазия...

Но это оказался Корт во плоти. С голым торсом, полурасстегнутыми брюками, едва удерживающими напор его плоти.

Дрю затаила дыхание, когда он приблизился со спины. Ее обдало жаром, исходившим от его тела. Его рука обвилась вокруг ее талии. С пальцев свисал пропавший обруч.

Дрю оцепенела. Не могла даже набрать в грудь воздуха. И ощутила, как он опутывает лентами ее запястья. Пусть. Ей все равно.

Она выгнула спину, едва он стал ласкать ее сосок, уже не стянутый обручем. Но тут Корт надел золотую петлю и легонько сжал. Острый озноб удовольствия прошел по спине. Дрю прильнула к нему, и его пальцы начали знакомую игру, перекатывая чувствительные холмики, пока она не взмолилась о пощаде. Ее ягодицы терлись о твердый стержень его пениса, и она одновременно пыталась избежать безжалостных ласк и умоляла о большем.

Но Корт не отпускал ее. Такие нежные, податливые и одновременно твердые соски... и он может делать с ними все, что пожелает... гладить, стискивать, доводить Дрю до полубезумия...

Не останавливаться, не отталкивать ее... это его жена, его наслаждение, его власть.

Он продолжал сладостную эротическую пытку.

Она должна ускользнуть от этого пьянящего яда... она сейчас потеряет сознание, если он ее не отпустит...

Дрю продолжала тереться о его бедра, мечтая быть насаженной, как бабочка на иглу, на это неумолимое копье.

Ощущения нахлынули на нее с такой силой, что она задохнулась. Невыразимо, неопишимо, и наслаждение еще усиливалось оттого, что она наблюдает за ним, за его стальными пальцами, играющими с ее сосками, оттого, что он любит ее извивающимся телом и молчаливой просьбой дать ей еще, еще больше...

В его руках она превращалась в развратницу, бесстыдную потаскушку. И не могла и не желала остановить его. И пусть в любую минуту могла освободиться из пут, ни за что не стала бы этого делать.

В своих безумных фантазиях она становилась рабыней его прихотей. И не станет просить о милости, пока он не выдавит последнюю каплю наслаждения из ее охваченного лихорадкой тела.

Она все сильнее жаждала его грубых прикосновений. Ощущала, как раскручивается невидимая спираль от грудей к томящемуся лону, взрываясь там, подобно новогодним петардам.

Конвульсии экстаза согнули ее с такой силой, что Дрю едра не потеряла сознание. Судорожно вцепившись в его плоть, она опустилась на пол. Но он продолжал терзать ее соски.

— Нет, нет, — простонала она, — не надо больше... о Господи... о-о-о, не нужно, пожалуйста, не нужно...

Он не мог отпустить ее, услышав хриплый голос, медленно отнял руки и рывком притянул Дрю к себе.

Она поняла, что он снимает путы и обручи... кажется... но нет сил поднять голову... она словно плавает в пустоте... а может, так и есть...

Он уложил ее на кровать, бросил обручи на тумбочку и молча вышел.

За дверью уже ждала Эви с подносом. — Она моя! — грубо выпалил Корт. — Отнеси ей завтрак. Я сам прослежу, куда она отправится.

Вторая записка попала в руки Дрю уже через минуту после ухода Корта.

Господи... у нее даже не осталось времени расслабиться, подумать, решить...

«Моя дражайшая милая кошечка...»

О Боже, как он мог?! Почему, не получив ответа, так и не понял, что никакого совместного будущего у них нет?!

А теперь... теперь он стремится встретиться с ней!

Жерар, разумеется, понятия не имеет, что у нее отобрали одежду, что Корт обращается с ней как с невольницей, а сегодня она добровольно стала рабыней его похоти.

Это невозможно!

Корт должен повидаться с Жераром. Объяснить...

Что именно? Рассказать об их совместных играх? О невольничьем ошейнике, о сбруе? О том, с какой готовностью, с каким жаром она отвечает на его ласки?

Не хватало еще, чтобы Корт открыл тайну ее сладострастных сосков... и то, как она корчилась в экстазе, когда он теребил их, пока Дрю наблюдала за игрой в зеркале.

Да, Жерару наверняка было бы интересно узнать обо всех этих вещах, но он никогда не узнает. Только последняя идиотка могла вот так поощрять его, особенно когда поняла, что легкомыслие отца станет решающим фактором в выборе мужа для дочери.

И что теперь? Что? Как он мог сделать такое со мной? Почему бы ему просто не уйти? Гордо и с достоинством? Почему? Да потому что всего лишь четыре дня назад ты все еще любила Жерара. Четыре дня назад Корт еще не украшал твои соски золотом. Четыре дня назад ты понятия не имела об изысканных играх, прихотях, силе и вожделении мужчин.

Зато теперь знаешь... и сделала выбор... и должна быть честной и сказать Жерару правду в лицо, как он и просит.

Но как? И что надеть? Невольничий ошейник? Золотые обручи вокруг сосков?

Не в силах усидеть на месте, Дрю принялась возбужденно метаться по комнате, пытаюсь привести мысли в порядок, найти выход из безвыходного положения.

Жерар просит о свидании. Сегодня. Хочет услышать из ее уст, что между ними все кончено.

А это означает, что она каким-то образом должна раздобыть пеньюар или платье, чтобы прикрыть наготу, и прокрасться в беседку после восхода луны.

Ускользнуть от Корты... когда каждая частичка тела молит о ласках?

Боги обезумели... ей никак не удастся осуществить этот сумасшедший план.

Даже если Эви согласится помочь.

Необходимо избавиться от Жерара. В его характере и дальше осаждать ее мольбами и записками. Мягкими, но неотвязными. Он не отстанет, если она не положит этому конец.

Вполне вероятно, в конце концов, что он будет и впредь отираться у их дома, в напрасной надежде, что она оставит Корту. Но это невозможно. Особенно после сегодняшней ночи. Того свирепого наслаждения, которое она испытала в его объятиях.

Она придумает, как поговорить с Жераром...

Дрю открыла дверцу шкафа и едва не упала от изумления при виде висевших там платьев. Она совсем отвыкла ходить одетой...

Ничего, придется научиться. Всего на несколько минут. А потом ей больше никогда не придется натягивать пышные наряды.

Полночь. В доме было тихо. Слишком тихо. Корт целый день провел в спорах и разговорах с надсмотрщиком Оук-Блаффс. Ей он объявил, что пора браться за дела, и Дрю невольно обрадовалась такому совпадению, тем более что, по словам Эви, Корт переночует в Оук-Блаффс. Что же, и это неплохо. Ей нужно выиграть время, заставить Жерара понять, что отныне она принадлежит Корту и готова покориться его воле. Получить все, что он предпочтет

ей дать.

До каких крайностей придется пойти, чтобы убедить в этом Жерара? Он не из тех, кто легко уступает. Достаточно вспомнить, как настойчив был в своих ухаживаниях, да и теперь преследует Дрю, замужнюю женщину, супругу другого мужчины.

Что ж, придется пустить в ход все оружие, имеющееся в ее распоряжении: одежду, манеру держаться и шокирующую откровенность. Признает ли она, как далеко зашла?

Как далеко...

Невольничий ошейник висел в шкафу на крючке. Дрю задумчиво сняла его.

Она ступила в петли и медленно подтянула их вверх. Нужно платье определенного покроя: под ним ошейник будет незаметен. Но вовремя напомнит ей, что Корт владеет ее телом и она его добровольная рабыня. Рабыня сладострастия.

Дрю застегнула ошейник. Сердце часто билось от страха и возбуждения. Она нашла муслиновое платье с высоким воротом и короткими пышными рукавами, которое надела поверх всего одной нижней юбки. Подол волочился по земле, юбка выглядела обвисшей, но это не важно. Своей цели платье послужит.

Дрю даже не надела белья, только натянула башмачки, чтобы не наколоть ноги.

Ее душило сознание того, на что она отважилась. Какое счастье, что Корта нет дома.

Глупая! Ей следовало бы остаться: пусть Жерар торчит в беседке. Если она не покажется, он поймет, что их... дружбе пришел конец.

А может, и нет. Она даже не потрудилась ответить ему, но это его не обескуражило.

Будь все проклято! Она вообще не желает больше видеть Жерара Ленуара. Никогда в жизни.

Ну подумаешь, всего двадцать минут, не больше, в продолжение которых она вполне успеет вдолбить Жерару, чтобы тот не питал никаких фантазий относительно ее возможного ухода от Корта.

Двадцать минут, может, и меньше, чтобы разделаться с Жераром и вернуться домой. Корт никогда не узнает.

Но только если она выйдет... сейчас...

Луна, яркая, как факел, освещала дорожку, вьющуюся среди деревьев к подъездной аллее, мимо коптильни, кухни, прачечной, огородов... Дорожка была аккуратно выложена камнем, словно кто-то заранее готовил ее к тайной встрече любовников.

Нет, не любовников. Никогда они не были любовниками. Всего лишь мечтателями. И каждая беседа, и те планы, которые они строили, были всего лишь пустыми фантазиями двух одиноких душ, ищущих забвения.

Но теперь она обязана вернуть Жерара к суровой реальности, он должен узнать, что она наслаждалась своим соитием с властным собственником Кортом Соммервиллом... и так будет, «пока смерть не разлучит нас».

Горькая правда придется не по вкусу Жерару.

Но он пообещал, что уйдет навсегда, если она согласится прийти.

Сердце рвалось из груди, когда Дрю, обойдя огород, остановилась у входа в беседку, расположенную между садом и конюшней, так что к ней вело с трех сторон около дюжины тропинок. Внутри стояла непроглядная тьма.

Наверное, Жерар там. Ждет.

Она тихо окликнула его, но ей ответило лишь молчание да крик совы.

Это уж слишком глупо. Его здесь нет. Играет в глупые игры. Даже не позаботился явиться. Надеюсь, что и не придет. Молюсь, чтобы его не было...

Кто-то схватил ее, и Дрю взвизгнула. Чья-то рука зажала ей рот, потянула под крышу беседки, в затхлый запах листвы.

— Ш-ш-ш...

Жерар! Черт возьми! Она едва не умерла от страха!

— Не закричишь? — прошептал он ей на ухо. Дрю помотала головой, и он немедленно отнял ладонь от ее губ.

— Ты здесь...

— Отпусти меня!

— Не могу... *не могу!* Помоги мне Боже! — выдохнул он, еще крепче прижимая ее к себе. Дрю растерялась, не зная, как укротить его разбушевавшуюся страсть.

— Придется! — отрезала она. — Я принадлежу Карту. И этого уже не исправишь. Послушай меня, Жерар, я ничего не хочу и не собираюсь менять.

Но он словно не слышал. Невероятно! Он предпочел проигнорировать ее заявление!

— Дорогая, все можно изменить. Все, что угодно. Вспомни наши клятвы, обещания... еще не слишком поздно!

— Поздно, Жерар. Поздно. Жерар замер.

— О чем ты?

— Именно о том, Жерар. Именно о том. Хватка Жерара ослабла.

— Нет. Нет! Ты обещала, что не дашь ему коснуться себя! *Настало время лжи.*

— Я не знала, как мало прав и сил у женщины.

— Он принудил тебя! — завопил Жерар, отскакивая. — Я прикончу его!

А вот теперь — истину.

— Никто меня не принуждал.

Жерар бросился к ней, и в эту минуту Дрю была рада, что не видит его лица.

— Я убью его! Не отдам тебя ему!

— Поздно, — повторила Дрю. Жерар отступил.

— Хорошо, хорошо...

— Он взял меня, — жестко пояснила она. — Отнял одежду и заставил ходить голой. И мне понравилось все, что он со мной делал. И я молила его...

— Нет! — яростно перебил Жерар, окончательно потеряв самообладание. Очевидно, ему не по душе, что добыча ускользнула, да еще так легко.

Совсем как Корт. Интересно, что раньше она не замечала этого сходства.

— Нет, нет, нет, — повторял Жерар, словно убеждая себя, что все это не правда. — Этого быть не может... ты не... не... скажем, обстоятельства сложились так, что ты ничего не смогла поделать. И его низшие инстинкты взяли верх...

Подтолкнуть Жерара к самому краю...

— Его или мои, — прошептала она. Охваченный слепящей яростью, Жерар набросился на нее и принялся трясти.

— Или твои, — выдавил он. — Ты могла быть моей...

— Но принадлежу ему. Он купил меня. Помнишь? Заплатил за все, что делает со мной в постели.

Жерар глухо застонал, но Дрю безжалостно продолжала:

— И я позволила ему. После самого первого раза умоляла взять меня. Добровольно раздвинула перед ним ноги. Ношу его невольничий ошейник. Позволяла связывать себя, чтобы он распоряжался мной, как пожелает.

— Сука, сука, сука... ты клялась, что сбережешь себя для меня...

— Но не сберегла! — грубо перебила она. — Все, о чем мы мечтали тогда, было ненастоящим. А вот он — настоящий мужчина. И я день и ночь жажду получить то, что есть у него между ног.

— Сукасукасука... я мог бы взять тебя в любую минуту... силой... даже сейчас...

— Сдержи свое обещание, Жерар... поцелуемся на прощание и разойдемся, как ты клялся в своем письме.

— О, я поцелую тебя, стерва! Задушу своими руками, прежде чем он хотя бы еще раз поймет тебя!

Он схватил ее и впился влажным поцелуем в губы. Взбешенный, сильный, неумолимый. Но он не Корт. Дрю обмякла в его руках, приготовившись к худшему.

Он стоял в тени за беседкой. Стоял и наблюдал. Слышал разгоряченные страстью голоса, хотя

не разбирал ни единого слова. Но какое это имеет значение? Главное, что он теперь знал: все наслаждение в мире не могло удержать его жену от тайного свидания с бывшим любовником.

Вряд ли она захочет покинуть мужа даже ради Лемуара. Слишком уж ей хорошо с ним в постели. Он допустил огромную ошибку, показав ей, что может дать женщине настоящий мужчина.

Черт! Она, вероятно, может удовлетворить обоих: Лемуара по ночам — и его в любое время дня.

О чем они спорят? Лемуар, возможно, хочет, чтобы она ушла к нему. Она желает сохранить обоих, заверить, что в ней хватит пыла для двоих. Пытается заставить Лемуара согласиться на ее условия.

Боже... никто лучше Корта не знал, какая она точная сука в постели... разве он не довел ее до потери сознания, всего лишь играя с сосками, и не прошло и половины дня, как она уже пылает страстью к другому.

Только через его труп.

Только через труп Лемуара.

Если этот ублюдок дотронется до нее... если попытается овладеть...

Корт наблюдал, как Лемуар схватил ее и она легко скользнула в его объятия, и подняла голову навстречу жарким поцелуям, как она прижимается к нему, наслаждаясь его теплом, твердостью плоти...

Проклятая потаскуха... ему следовало бы понять это, как только она согласилась выйти за него. Ее можно купить. Дорогой товар: девственность и самое жаркое тело в Луизиане... можно поклясться, что Лемуар тоже прекрасно это знал. Будь она проклята! Сука! Пусть провалится в ад!

Он отвернулся от гнусной сцены и поднял руку.

Пора кончать фарс.

Она не могла вынести его прикосновения, поцелуи, ощущение прижатого к ней тела.

Ярость утроила его силы. Страсть лишила рассудка. Схватившись за ворот ее платья, он рванул вниз тонкий муслин, обнажив груди.

— Сука, сука... — шипел он, потянувшись к ее шее, но оцепенел от изумления. — Иисусе... что это?

— Мне приходится носить его везде и всюду, — прошептала она. — Он заставил меня, но теперь... теперь я счастлива и горда иметь клеймо его владения...

Жерар буквально взвыл, иного слова не подберешь, и разорвал платье до подола.

И тут прогремел выстрел.

Жерар оцепенел.

— Я мог бы убить тебя...

— Попробуй только!

И третий голос, голос ее отца:

— Приведи себя в порядок, шлюшка? Дрю поспешно прижала мятые лохмотья к груди. Откуда тут взялся отец?

— Как мило! — насмешливо бросил Виктор. — Ты и Ленуар. Навеки вместе, так, Дрю?

— Нет, — запротестовала она. — Нет!

— Неужели? А по-моему, очень похоже. Кстати, Корт дома. Пораньше закончил дела. Сердце Дрю ушло в пятки.

— Что ты здесь делаешь?

— Хочу избавиться от паразита, который портит мой сад.

— Иди к черту! — прорычал Жерар.

— Думаю, что это ты уже в аду, — сообщил Виктор. — Ты получил свои деньги. Проваливай из города. Дрю...

— О каких деньгах ты говоришь? — вскинулась Дрю.

— Доставь мне удовольствие самому объяснить, Виктор. Кажется, сегодня мы проветриваем наше грязное белье. Такая уж ночь! — злобно прошипел Жерар. — Или боишься, что она узнает?

Господи, о чем это они?

Дрю молча выжидала. Но отец, похоже, ничуть не смутился. О чем бы ни толковал Жерар, Виктора это больше не заденет.

И ее тоже.

— Говори, — пожал плечами отец.

— Именно мне твой папаша задолжал столько денег, — ухмыльнулся Жерар. — Мне. Не Саммервилу.

— Что?!

Весь мир вмиг перевернулся. Перед глазами бешено закружились звезды.

— Не Корт, — подчеркнул Виктор. — *Этот* кусок дерьма задумал втянуть меня в долги, чтобы заполучить тебя и Оук-Блаффс.

— Не может быть, — пробормотала Дрю, ошеломленно покачивая головой и отступая. От Виктора и его бессовестной лжи. От Жерара и его коварных планов.

— Саммервил спас твою задницу! — грубо бросил Жерар.

— И пинком в твою вышиб тебя прямо в ад, — самодовольно усмехнулся Виктор. — Все твои замыслы полетели к чертям. Все, о чем ты мечтал, уплыло. А девушка и плантация достались Карту. Нельзя и мечтать о более счастливом конце.

— Конце? Подожду, пока ты вновь возьмешь карты в руки, — процедил Жерар. — Пока мысль о больших деньгах не выманит тебя из норы и леди Удача вновь соблазнит обещанием богатства. И так и будет, потому что, друг мой, ты жалкое ничтожество.

Господи, господи, господи... Жерар — кредитор отца. Не Корт. Не Корт. Корт не покупал ее. Корт — ее спаситель. Спас отца, Оук-Блаффс...

О Боже...

Спотыкаясь, она почти вывалилась из беседки.

О Боже...

А что, если Корт все видел и слышал...

О Боже...

Скорее бы убраться отсюда. Не слышать всего этого...

Отец намеренно бесит Жерара. Поняв, что потерял все, Ленуар просто убьет его!

— Нет! — издевался Виктор. — Это ты идиот, если верил, что я позволю тебе хоть на шаг приближаться к Дрю и ступить на порог Оук-Блаффс! Кретин! Подонок! Козел!

— Сукин сын! — заревел Жерар.

— Ублюдок, — подначивал Виктор.

Послышались шум, удар, глухой стук, словно мужчины схватились. В наступившей тишине снова прокатился выстрел, эхом отозвавшийся среди деревьев. Отдавшийся в ее душе.

Отец!

Слезы струились по щекам Дрю. Ей все равно, все равно... Слишком мучительна боль предательства.

Она не желала видеть. Не желала знать.

И надеялась, что они прикончили друг друга.

Отец...

Кое-как завернувшись в обрывки платья, она пустилась бежать.

Глава 9

Корт окончательно отдалился от нее. После случившегося в беседке она не видела его неделями и сходила с ума от тоски и досады.

Сначала она вообще не желала встречаться с ним, особенно когда узнала, что отец серьезно

ранил Жерара. Тот до сих пор лежал в доме доктора Булуа, единственного врача Сент-Фобонна, и если верить отцу, они с Кортм вырвали у Жерара обещание немедленно покинуть город и отказаться от мысли снова увидеться с Дрю.

— Будет проворачивать свои подлые делишки в Новом Орлеане, — презрительно бросил Виктор, приехавший только неделю спустя, в уверенности, что гнев дочери улегся и она его простит. — Рано или поздно отыщет богатого дурня и другую невинную девушку, и все повторится сначала. Можешь быть в этом уверена!

Но она вовсе не собиралась отпускать отцу грехи. Дрю справедливо чувствовала, что ее нагло использовали и управляли как марионеткой. Почему она должна платить за расточительство отца и жадность Корта, стремившегося заполучить плантацию?

К тому же ей не слишком по вкусу пришлось замечание отца, относившего ее страдания на счет наивности и доверчивости молоденькой девчонки.

— По-моему, тебе, как никому другому, хорошо известна глубина моих чувств к нему, — сухо заметила Дрю.

— Еще бы! Все мои расписки были у него в руках! Я точно знал, что ты помчишься за него замуж, лишь бы погасить мои долги. Но и мысли не мог допустить, что этот нувориш, разбогатевший выскочка, завладеет наследием моих предков!

— Поэтому и продал меня Карту! — с горечью бросила Дрю. — Он, наверное, единственный в Сент-Фобонне, кто может позволить себе содержать такую дорогую игрушку, как я, и столь бесполезную обузу, как ты.

— Это превосходная партия, дорогая, — жизнерадостно заверил отец. — Я знал, что делаю.

— Ты должен был все рассказать, — проворчала Дрю, но уже не с прежним пылом. Ведь отец все время твердил, что Корт позаботится о Дрю, и был прав. Он и сам понятия не имеет, насколько был прав.

— Ты по уши влюбилась в этого ублюдка, — продолжал Виктор. — И защищала бы его до последнего вздоха. Не говоря уже о том, что пошла бы с ним к алтарю... только чтобы сделать мне назло.

Дрю стиснула кулаки. Она, вероятно, так и поступила бы. И слишком поздно поняла бы коварные, далеко идущие замыслы Жерара. И даже попытайся отец открыть ей правду, все равно не поверила бы.

Поэтому Корт и взял на себя роль злодея.

А Жерар так обозлился, что пошел бы на все, лишь бы обесчестить Корта... если бы она позволила.

Позволила. Вот он, ключ ко всему. Готовность. Дрю готова пойти на все, чтобы вновь испытать всепоглощающий экстаз, позволить Карту сделать свое тело орудием наслаждения.

Беда в том, что Корт прочитал оба послания Жерара. И сам был у беседки. Подслушивал. Подсматривал. И делал выводы. Очевидно, неверные.

— А этот подонок еще попытался тебя поцеловать! — пылал Виктор праведным гневом.

Зато Корт предоставил отцу сделать за него грязную работу.

— Поэтому ты решил убить его, согласно вашему дурацкому кодексу чести, — язвительно дополнила Дрю. — Хотя тебя несколько не заботило, что Жерар приобрел такую власть над тобой.

— О нет. Это не так. Я был в полном отчаянии, пока Корт не согласился жениться на тебе. Ты и не представляешь, через какие унижения мне пришлось пройти. Правда, я до самого последнего момента держал Жерара в уверенности, что права на Оук-Блаффс могут перейти к нему. У него имелась достаточно веская причина не предавать огласке мое падение. Но даже после того, как все было кончено, он не захотел тебя терять. Правда, Ленуар мог обнародовать мои долговые расписки, но каким образом они способны повредить тебе и Карту теперь, когда все оплачено, а ваш брак заключен? Самое большее, на что он смел надеяться, что ты убежишь с ним. Но я был уверен, что этого не произойдет. Слишком многое поставлено на карту, так что конец ваших отношений был всего лишь вопросом времени, и это случилось раньше, чем я предполагал.

Ах, ее папочка! С него все как с гуся вода! Ничто не волнует его, ничто не трогает! Жерар прав. Еще месяц-другой, и отец снова потянется к картам, и даже возможная потеря плантации не остановит записного игрока. И все благодаря способности отрешиться от неприятностей и сосредоточиться на минутных удовольствиях.

А что может быть более лестным, чем видеть дочь замужем, а в будущем, возможно, и окруженную детьми? Враги изгнаны, кошелек трещит от денег, а плантация очищена от долгов...

Пока.

— Поэтому, дорогая, как видишь, все превосходно образовалось, — объявил отец на прощание.

Для него. Всегда для него. Ухитряется вечно выйти сухим из воды. Неизменно находится тот, кто вытаскивает для него каштаны из огня.

Она. Корт.

Но какая выгода Карту? Нелюбимая и нелюбящая жена, которую он приобрел ценой сделки с отцом, зная, что ее сердце принадлежит другому?

Корт и сейчас твердо в этом уверен. Несмотря на очевидное. Он, кажется, решил покинуть ее навсегда. И эта мысль ранила больнее ножа.

Нет, она не допустит этого. Хотя бы раз в жизни возьмет пример с отца. Тот всегда на коне, даже когда проиграет. Разве она не дочь своего отца? Кроме того, она пока ничего не потеряла. И собирается остаться женой Корта до конца дней своих.

Времени у нее хоть отбавляй.

Но Корта не так легко заманить в сети. Он проводил дни в Оук-Блаффс, а ночи — в Сент-Фобонне, в отеле для плантаторов, и она поняла, что придется пойти на крайние меры. Кроме того, Дрю страшно раздражало, что он намеренно избегает ее.

Необходим надежный план. Не может же она по-прежнему гулять по Уайлдвуду обнаженная, тем более что Корт, похоже, воздвиг вокруг себя стену отчужденности.

И никакая нагота не совратит его. Слишком он сердит, чтобы позволить себе хотеть ее.

Придется покорить его.

Эта мысль ей понравилась. Все сводится, как всегда, к власти и господству. И на этот раз она не отступит. Станет таинственной и неуловимой, забудет все его условия и правила.

Неотразимая.

Пугающая.

Что, если...

Нет, она не станет думать об этом. Очень скоро он будет проводить ночи дома, и тогда начнется главная игра... Только не спешить...

Но Корт не сдавался. С такими, как он, нужно обладать терпением святой!

Наконец, пять дней спустя, ночью она услышала тяжелые шаги на лестнице.

Было уже очень поздно. Далеко за полночь. Тьма стояла непроглядная, жара — угнетающая.

Дрю выжидала. И через полчаса, одетая в тонкую муслиновую сорочку и захватив свечу, выскользнула в коридор и приложила ухо к двери спальни.

Ни звука. Ни шороха.

Она приоткрыла дверь и пробралась внутрь. Корт распростерся на массивной кровати лицом вниз. Беспорядок был такой, словно он просто разбросал одежду по всей комнате и свалился в постель. Дыхание было глубоким и ровным: очевидно, он очень устал.

Тяжелый сон человека, захваченного эротическими фантазиями. Особенно такого, который не задумается вовлечь жену в сексуальные игры. Кстати, сбруя до сих пор подвешена к потолку. Это хороший знак.

Дрю поставила подсвечник на пол, чтобы свет был не так ярок, и приблизилась к кровати, сама еще не зная, что сделает. Ей хотелось пробежать руками по его телу, ощутить прикосновение гладкой кожи, жестких волосков, вдохнуть знакомый запах.

Разбудить Корта. Ступить в приготовленную для нее сбрую, бесстыдно обольстить Корта, чтобы он взял ее так же неистово, как прежде.

Дрю ощутила, как набухло вождением ее лоно. Сумеет ли она довести задуманное до конца? Хватит ли терпения?

Прежде чем явиться сюда, она перепоясалась атласным кушаком. Теперь она сняла его и обернула руку. Вот они — шесть дюймов чувственной ткани, чтобы пробудить к жизни его плоть.

Она начала со ступней, поднялась к бедрам, тугим ягодицам, талии, позвоночнику, дразня его шею, уши, губы, наблюдая, как он извивается во сне, пытаясь ускользнуть от настойчивой

щекотки.

Чудесно... как чудесно получить его в полную власть, видеть, как могучие бедра вжимаются в перину, как вздымается его ненасытная плоть.

Ускользающая...

Она снова провела концом кушака по его ягодицам, ногам и, едва он зашевелился, просыпаясь, нехотя улизнула из комнаты, не забыв захватить свечу, оставив его в полусознании, изнемогающим от желания и жадно вдыхающим слабый аромат дыма и греха.

Это было лишь первым шагом. На вторую ночь Дрю придумала кое-что другое. Надела старый, немного переделанный корсет, который перед этим выкрасила в черный цвет и расшила гагатовыми бусинами. Корсет приподнимал обнаженные груди и облегал талию так туго, что бедра казались еще круглее и пышнее.

Правда, она вовсе не хотела, чтобы он ею любовался.

Нет, замысел ее был куда коварнее.

Необходимо обездвигить его.

Дрю подождала, пока в доме воцарится тишина и часы в гостиной пробьют половину второго. Потом снова поставила подсвечник на пол. На этот раз Корт лежал на спине.

Превосходно. Целых пять минут она не могла оторвать от него взгляда. Господи, как он прекрасен, особенно во сне!

Но не стоило зря тратить время.

Теперь предстояло самое сложное: осторожно привязать к его запястьям атласные ленты и прикрепить концы к кроватьным столбикам, каждое мгновение рискуя, что он пробудится.

Но все обошлось. Ее пальцы были легче ветра, нежнее шепота. Она со всей осторожностью подняла над головой его левую руку и совершила задуманное. Как она и предполагала. Корт пошевелился, но Дрю успела метнуться на другую сторону, и вот уже его правая рука тоже оказалась в плену.

— Какого черта...

Он принялся вырваться, в тщетной надежде разорвать ленты, и, приподнявшись, налег всем огромным весом на тонкие путы. Но они выдержали. Дрю стояла в изножье кровати, наслаждаясь видом его бьющегося тела. Ей смертельно хотелось оседлать его бедра. Ласкать его потаенные местечки.

Она так и сделала. Взобралась на кровать и села верхом на Корта. Почувствовав прикосновение ее венерина холмика, он мгновенно застыл.

— Убирайся. Прочь отсюда!

Но она уже заранее решила не тратить время на уговоры, а действовать. Наконец-то его тело в полном ее распоряжении, тем более что он вовсе не собирается овладеть ею.

— Сука.

Дрю погладила его живот.

— Не трогай меня!

Он снова вскинулся, и она скатилась вниз.

Что же, может, это к лучшему. Она еще не успела открыть все его мужские тайны, не рассмотрела всесильную плоть и то, что у него между ногами.

Дрю бесцеремонно сунула туда руку, и Корт сжался.

Значит, ему понравилось.

Прекрасно.

Она проникла дальше и обнаружила кое-что особенно интересное: заманчивое, скрытое, мужское местечко в паху. И чуть нажала пальцем. Корт судорожно дернулся.

— Не смей!

Но Дрю взвесила на ладони тугие мешочки и принялась ритмично поглаживать. Его плоть величественно поднялась под ее взглядом. Очевидно, кое-какие части его тела просто обожают подобное обращение.

— Дьявол!!!

Он рвался и бился в своих путах, но Дрю не отступала,

Продолжая настойчиво исследовать его самое интимное место.

— Будь ты проклята, проклята, проклята! — рычал он.

— М-м-м...

Она легко поставила его на колени. Пора показать этому упрямцу, кто тут хозяин!

Свободной рукой она потянулась к набухшему отростку. Корт задохнулся: она еще никогда не касалась его там. Никогда не сжимала в пальцах. Никогда не ощущала его жар и вес, не понимала, что вся его сила заключается в простом стержне из плоти и крови.

— Именно так, как я хотела, — пробормотала она, беря его в плен своей руки. Казалось таким естественным держать его, и, повинувшись какому-то первобытному инстинкту, Дрю стала его ласкать, нежно, твердо, неумолимо.

— Нет... нет... нет... НЕТ!

— Да-а-а! — выдохнула она. Поразительно, какая мощь, какая эротическая ярость! Он не может остановить ее и поэтому вынужден покориться. Словно весь его гнев сосредоточился у нее в руке... она почти уловила момент, когда он сдался.

— Ах-х-х...

Его невероятная сила воли не позволяет сразу отступить. Ей придется много потрудиться ради своего торжества и его разрядки. Но ей все равно.

Дрю по-прежнему не выпускала его, лаская то скрытое мужское местечко, прикосновение к которому сводило его с ума. Пьянило. Кружило голову. Теперь он полностью в ее власти, и она выдавит все семя до последней капли и станет наслаждаться его мукой.

Он все еще полон решимости не сдаваться. Но плоть обязательно предаст его, и ему еще предстоит об этом узнать. И если сосредоточить усилия на чувствительной головке, она скоро доведет его до края. Сколько времени потребуется, чтобы он окончательно капитулировал?

Пока Карту удалось устоять. Она не отступала. Дрю добьется своего во что бы то ни стало.

Но вот его тело напряглось, шевельнулось, словно готовясь к чему-то, и она поняла; победа близка.

Непроизвольно подняв бедра, он извергся, подобно вулкану, покрыв и простыни и ее руку густым кремом своего семени.

Она продолжала держать его. И пристально наблюдала. Но он не поднял на нее взгляда.

Ну и черт с ним! Ни одна женщина не даст ему такого наслаждения! Она твердо это знала.

И пусть лучше перестанет игнорировать ее, иначе она вечно станет держать его в путах.

Чудесная идея.

Дрю шевельнула пальцами. Он мгновенно отреагировал, хотя и постарался это скрыть.

— Ты еще не понял. Корт? Это моя игра. Моя власть. Будешь делать все, что я хочу.

— Скорее ад замерзнет!

— Что же... посмотрим... — промурлыкала она. — Ночь еще только началась. Твое тело горит огнем страсти. Я полна сил.

— Между нами все кончено.

Но Дрю улыбнулась той понимающей улыбкой, которая так его раздражала.

— Твой пенис, кажется, с тобой не согласен. — Она нежно погладила его. — Придется немного подразнить его, чтобы проголодался. Чтобы снова затвердел для меня.

— Как для любой голой женщины, — отпарировал он.

— Похоже, мне придется посадить его на поводок, — пробормотала Дрю, не обращая внимания на его злобное замечание. Она хорошо подготовилась, не забыв захватить кушак и обручи, спрятанные в корсете.

Выудив кушак, она многозначительно помахала им в воздухе, прежде чем подвести полоску атласа под его бедра и обвить вокруг мужской плоти.

— Ты не посмеешь...

— Еще как посмею, — заверила она, затягивая узел. — Прелестно! Взгляни только, как сильно ты меня хочешь!

Он снова принялся рваться, проклиная ее сквозь зубы, замороженный витками черного атласа. Чем больше становился его фаллос, тем сильнее лента врезалась в его пах, тем жарче Корт возбуждался.

— Ах, чудесно! — вздохнула Дрю. — Наконец-то он весь мой. Да, еще одно...

Она вытянула из-за корсета золотые обручи и дотронулась до его сосков, едва выглядывавших из гнезда жестких волос. Идеально! Обручи идеально ему подойдут.

Все идет как надо. Все под контролем.

Правда, Карту происходящее явно не нравится. Поняв ее намерения, он бессильно забился, но она продолжала ласкать его соски.

Еще одно мужское потаенное местечко... восхитительно... просто восхитительно...

— Не шевелись, — велела она, сгибая обручи так, чтобы они смогли обрамлять и его соски. — Специально для тебя. Корт.

— А, будь все...

Господи, во что она его превратила! Связала, как жалкого раба. И тело предало его, а мужская плоть стала твердой как гранит, нетерпеливо ожидая, пока она унизит и возбudit его еще больше. Как он ненавидел Дрю за то, что она оказалась способной довести его до такого состояния!

— Сука! Когда я до тебя доберусь... — прошипел он, пытаюсь освободиться, хотя пульсирующий стержень стоял перед глазами, а невесомые обручи, казалось, невыносимо сдавливали соски. — Подлая тварь...

— Молчи, — приказала она, проводя ладонью по его бедрам и принимаясь ласкать двойной мешочек. — Изумительно... чудно... почему бы тебе не расставить ноги?

— Черта с два...

— ...иначе я сама их раздвину, — мило пообещала Дрю. — Пора давно понять: лучше дать добровольно то, что я хочу. Ну вот...

Она снова погладила его.

— Мне нравится это местечко... такое упругое...

Корт тихо зарычал.

— Вижу-вижу, ты готов для меня, Корт. Но я еще далеко не готова.

Это не правда... она сгорает в огне желания, истекая соками, готовая поглотить его целиком.

Но нет ничего лучше предвкушения. Наконец-то сила на ее стороне. Он связан... тяжелый отросток молит о разрядке. Все зависит от ее желания.

Это и есть настоящее могущество.

Но теперь Корт должен кое-что ей пообещать.

Она отодвинулась и смерила взглядом сбрую. Великолепное устройство, и женщина в нем беспомощна и распластана, вся открыта мужскому наслаждению.

Дрю вздрогнула, вспоминая, как он проникал в ее тело дюйм за дюймом.

А как чувствует себя мужчина, распятый между петлями?

Дрю даже глаза закрыла, представив себе такую сцену. Она хочет этого. Хочет все сразу. Столько всего, еще непознанного, столько вопросов требуют ответа.

Она резко повернулась к Карту, застав его врасплох. Он не успел отвести взгляда от ее соблазнительно-упругой попки.

Кажется, он не так уж и взбешен. И хочет того же, что она: возбуждения, эротических игр и взрывного слияния обнаженных тел.

И если для этого ей придется всю жизнь носить ошейник, она согласна. Если для этого придется покориться всем его капризам и прихотям, она согласна. Если для этого придется ходить голой и по первому его требованию раздвигать ноги, она согласна.

Только бы снова и снова забываться в экстазе. Только бы дождаться тех минут, когда окажется в его власти!

Медленно направляясь к кровати, она принялась расстегивать корсет. И, небрежно швырнув его прямо на пенис, оседлала Корта. Тот немедленно вскинулся, сжигаемый неукротимым желанием.

— *Иисусе...*

Дрю блаженно вздохнула и потерлась о его сосок своим, чтобы тоже ощутить это раскручивающееся по спирали блаженство, растекающееся по жилам тягучим медом.

— Развяжи меня, Дрю, — попросил он, отчаянно натягивая путы.

— Не стоит. Так куда забавнее.

— Я дам тебе все, что пожелаешь.

— Ха!

Она снова потерлась сосками о его волосатый торс и стала сползать все ниже, пока не добралась до обернутого атласом отростка.

— Это ты сейчас так говоришь.

Она осторожно перевернулась так, чтобы зажать грудями его восставший пенис. Соски прижались к его бедрам. Руки продолжали гладить его чресла.

Похоже, ей понравилось. Даже слишком. Корт едва удерживался от крика.

Слишком много власти она взяла.

Тело Корта сотрясли спазмы.

Это в последний раз. В последний раз она берет надо мной верх. Отныне эта сука будет дни и ночи проводить голая и привязанная к кровати. Он покажет ей ее место и заставит ползать перед ним, даже если придется...

Что это с ним? Он мыслит как мужчина, обезумевший от любви к женщине. На черта она ему сдалась? Часть сделки, его собственность, куда можно излиться, когда в голову взбредет... вещь...

Черт? Что она вытворяет?

Растянулась на нем так, что сомкнутые лепестки ее женского бутона оказались прямо у его губ. И принялась играть с ним. Освободила кончик его копья и легонько потирает пальцами гребешок головки.

Это в последний раз...

Корт стиснул зубы и напрягся, стараясь подавить пожирающее его пламя.

Привяжу ее к кровати и, если даже придется не спать всю ночь, покажу суке, кто ее господин и на что она годится...

Но она и без того все знала: недаром он сжался, безмолвно умоляя о кульминации.

— Позволь мне дать тебе то, чего ты хочешь, Дрю.

— Нет, — дремотно протянула она, — это слишком легко.

— Все, что пожелаешь и как пожелаешь.

— Ах, обещания... — пробормотала Дрю, лаская головку горячим мокрым языком. — Как мило... Но сейчас ты говоришь одно, а утром окажется, что все это ложь...

Она захватила головку губами и сжала.

Корт встрепенулся так, что едва не сбросил ее. Вот теперь он готов! Плоть натянута туго, как барабан, и готова взорваться.

— Ты победила, черт возьми. Твои условия? — прохрипел он.

— Что? Условия... — проворковала Дрю. — Вот они... Она снова сомкнула губы, и он задрожал. Это уж слишком.

Вся сила воли ушла на то, чтобы не излиться снова. Но он сдержится, по крайней мере до тех пор, пока не услышит ее требования.

— М-м-м... Дай подумать, мой горячий жеребец. Условия... Ты никогда не станешь скрывать от меня свою наготу... никогда в жизни, — гортанно выдохнула она. — И ни в чем не откажешь мне... в нашей спальне.

Она снова обвела языком кончик исстрадавшейся плоти.

— Твое тело предназначено для того, чтобы ублажать меня, мой жеребец. Как по-твоему, сумеешь?

— Развяжи и узнаешь.

— Превосходная мысль, — согласилась Дрю, снова накрывая его ртом.

— Немедленно, Дрю!

— О... насчет условий...

— Да, Дрю... — Его тело дернулось, когда она принялась сосать его. — Да... — еле слышно повторил он, готовый растечься. — Говори скорее...

— Слушай, мой похотливый жеребец, эти условия не на день, а на всю нашу совместную жизнь. А если ты не согласен... — она снова втянула в себя раскаленный стержень, отлично понимая, какую власть приобрела над ним, — больше ты никогда меня не получишь... Она что, требует клясть?

— Освободи меня.

— Еще рано. Корт.

— Черт побери, да что тебе еще нужно?

— Ты много дней избегал меня. — Она немилосердно стиснула его. — Откуда мне знать, что такое снова не случится.

— Если будешь вести себя прилично, такого не случится.

— Если я... я... понятно.

Она откатилась от него и села.

— Это *твои* условия, Корт, не мои. Я на них не согласна. Она провела пальчиком по золотым обручам на его сосках, и Корт затрепетал.

— Если хочешь получить меня... соединиться со мной... играть моими сосками, соглашайся...

— Ладно, черт возьми, ладно...

— Что именно «ладно»?

— Я на все согласен. Пока мы вместе. Она улыбнулась слабой, но торжествующей улыбкой победительницы.

Ничего, это ненадолго...

— Отпусти меня, Дрю! Дай погрузиться в тебя.

— О, мне это нравится, — объявила она. И, покачивая бедрами, поплыла к кровати. Еще мгновение — и он снова на свободе!

Молниеносно взметнувшись, Корт спрыгнул с кровати, мужественно игнорируя призывы плоти, схватил Дрю и уложил себе на колени. Она и оглянуться не успела, как оказалась на животе, не в силах шевельнуться. Вцепившись в нее одной рукой, он опустил ладонь на торчавшие вверх ягодицы раз, другой, третий, с нетерпением человека, изголодавшегося по

женщине и слишком долго находившегося в чьей-то власти. Потом разжал пальцы, и Дрю скатилась на пол.

— Никогда больше не смей проделывать такое со мной.

— Не дожدهшься от меня никаких обещаний! Сначала научись держать слово!

— Испытай меня, моя лань. Считай, что мы начали сначала. С чистой доски... Посмотришь, умею ли я держать слово...

Дрю вскочила и окинула его оценивающим взглядом.

— Может быть... а может, и нет... Но несмотря на все битвы, поединки и ссоры, она по-прежнему хочет то, что у него между ног.

Медленно повернувшись, она шагнула к сбруе.

— Вот что мне нужно.

— Чего же ты медлишь?

Корт встал, все еще не сняв с себя атласный кушак, и выждал, пока она поднимется на ступеньку и вденет ноги в петли. Сейчас он увидит, какая она мокрая... для него...

Он тут же оказался рядом и коснулся разгоряченной плотью ее расселины.

— Это не имеет ничего общего с любовью, — прошептал он, когда бархатистая головка раздвинула ее мягкие складки.

Он оставался неподвижным несколько долгих, чувственных мгновений, впервые осознав истинную природу их эротического соития. Он хотел только ее. Именно ее. В этот миг он безмолвно капитулировал перед ее могуществом. И жаждал только одного — назвать ее своей. Разве это не означает любви?

Корт потянулся к ее грудям. С пальцев свисали золотые обручи.

— Я, Корт Саммервил, беру тебя в жены, — хрипло объявил он, снова надевая их на ее соски как клеймо обладания.

И буду любить тебя. До конца жизни. Радость сбывшейся мечты...

И он властно, бережно и одновременно алчно завладел ее телом, дрожащими губами... и впервые потребовал ее сердце, отдав взамен свое.